

С.Д.БГАНБА

О ТЕХ, КОГО ПОМНЮ...
ВОСПОМИНАНИЯ

С.Д. БГАНБА

**О ТЕХ, КОГО ПОМНЮ...
ВОСПОМИНАНИЯ**

И ЭТО УЖЕ ИСТОРИЯ

(Владислав Ардзинба — первая встреча)

К моменту избрания Владислава Григорьевича Ардзинба Председателем Верховного Совета Абхазской АССР я работал Сухумским транспортным прокурором. К моменту распада СССР на Сухумском участке железной дороги распространились факты хищения материальных ценностей. Попросту говоря, грузины по разным причинам оставляли на станциях вагоны с ценными грузами, и они разворовывались преступными элементами.

Профилактическая работа по этим видам преступлений усложнилась. В этот период мне позвонил начальник Закавказской железной дороги Рем Вапакидзе и сказал: «Вы не возражаете, если я грузовой транспорт с очередными ценными грузами, пушу через Северо-Кавказскую ветвь в Грузию?». Не придавая политического значения

этому вопросу, я согласился. Но о принятом решении доложил Владиславу Григорьевичу.

Тогда я еще не понимал, что в этом заложена большая политика. Будучи прозорливым человеком, В. Ардзинба абсолютно правильно возмутился. В отличие от меня, он сразу понял, с какой целью это делает руководство Грузии и строго сказал: «Впредь без моего ведома подобные решения не принимать». Тут же, по его поручению и за его подписью, мною было составлено ходатайство на имя Генерального прокурора СССР, Министра внутренних дел СССР и Министра путей сообщения СССР с просьбой вывести нас из подчинения соответствующих грузинских структур. Нам в этом было отказано.

Вторая встреча с В. Ардзинба состоялась на очередной сессии Верховного Совета Абхазской АССР. Она проходила уже в здании бывшего Абхазского обкома партии.

Вдруг позвонили из аппарата Верховного Совета и срочно пригласили зам. начальника железной дороги и меня. К моменту нашего прихода сессия уже шла. Мы сели в последнем ряду зала заседаний. Но наше появление не оказалось для него незамеченным. Вначале Владислав Григорьевич потребовал от заместителя Председателя Совета Министров Абхазии, отчета о положении дел с доставкой из Одесского порта зерна, предназначенного для Абхазии и оплаченного по его просьбе указанием Председателя Совета Министров СССР Николая Ивановича Рыжкова (это было перед самым распадом Союза). Я тогда уже занимался этой проблемой по поручению З. Лабахуа, но о результатах еще не успел доложить. Он ушел на сессию раньше меня. Зураб объяснил В. Ардзинба, что пока он не смог точно выяснить, отправлено зерно в наш адрес или нет. После этого Владислав Григорье-

вич обратился к нам, сидящим в последнем ряду: «Кто из представителей транспорта выйдет на трибуну?»

Мы дружно молчали. Тогда он назвал мое имя. К счастью, я был в курсе положения дел с зерном. Я доложил депутатам, что разговаривал с руководством отделений дорог Одессы, Краснодара и Туапсе. По моим данным, шестнадцать зерновозов прошли Краснодар, к шести вечера придут на станцию Туапсе. Начальник Туапсинской дороги обещал за ночь перегнать эти зерновозы в Адлер; и что зам. начальника Самтредского отделения дороги Кортхонджия и я утром поедем в Адлер и будем сопровождать эти зерновозы вплоть до своевременного их прибытия на Сухумский мельзавод. А остальные пятнадцать вагонов вышли из Одессы, но еще не прибыли в Краснодар. Когда они придут в Туапсе, мне доложат, и их перегон тоже будет обеспечен. Этим сообщением Владислав Григорьевич был доволен.

После моего сообщения он потребовал доложить, что делается по охране железных дорог, тоннелей и мостов. Я сообщил о большой работе, проведенной на участке «Псоу-Сухум», и что по указанию Совета Министров на охрану тоннелей, мостов выходят не только железнодорожники, но и сами жители сел. Он потребовал уточнения: «Что делается в другом направлении — Очамчирском, Гальском?» Я ответил, что такие же меры будут приняты и там. Но по телевидению ответ на последний вопрос показан не был.

Скажу откровенно, до момента начала Отечественной войны у нас не сложились дружеские отношения, более того, по ряду вопросов они были достаточно сложными. Но, будучи государственным человеком, Владислав Григорьевич по докладу Анри Джергения назначил меня вна-

чале заместителем Прокурора Абхазии, а затем исполняющим обязанности Прокурора на период войны.

Наши рабочие встречи были несчастными, происходили они по его инициативе.

Одна из последних встреч с ним в период войны была в июле 1993 года – Восточная Абхазия и Сухум были оккупированы. В июле было подписано очередное перемирие. Шли разговоры о возвращении властей Абхазии из Гудауты в столицу. В связи с этим, он поручил мне подготовить оперативную бригаду. Была создана группа прокурорских работников из двадцати двух человек по обеспечению законности. Исполняющий обязанности премьер-министра Леонид Иванович Лакербая выдал нам еще и деньги на питание и расходы – по десять тысяч рублей. Но выезд в Сухум сорвался. Там организовали протестные митинги под руководством Шеварднадзе.

Тогда Владислав Григорьевич пригласил меня и сказал, что поездка отменяется, грузины возражают. Увидев моё огорчение, он весьма уверенно сказал: «Не бойся, в ближайшее время грузины побегут, Абхазия будет освобождена». Он всегда говорил это при каждой нашей встрече, потому что твердо верил в Победу.

Так оно и получилось.

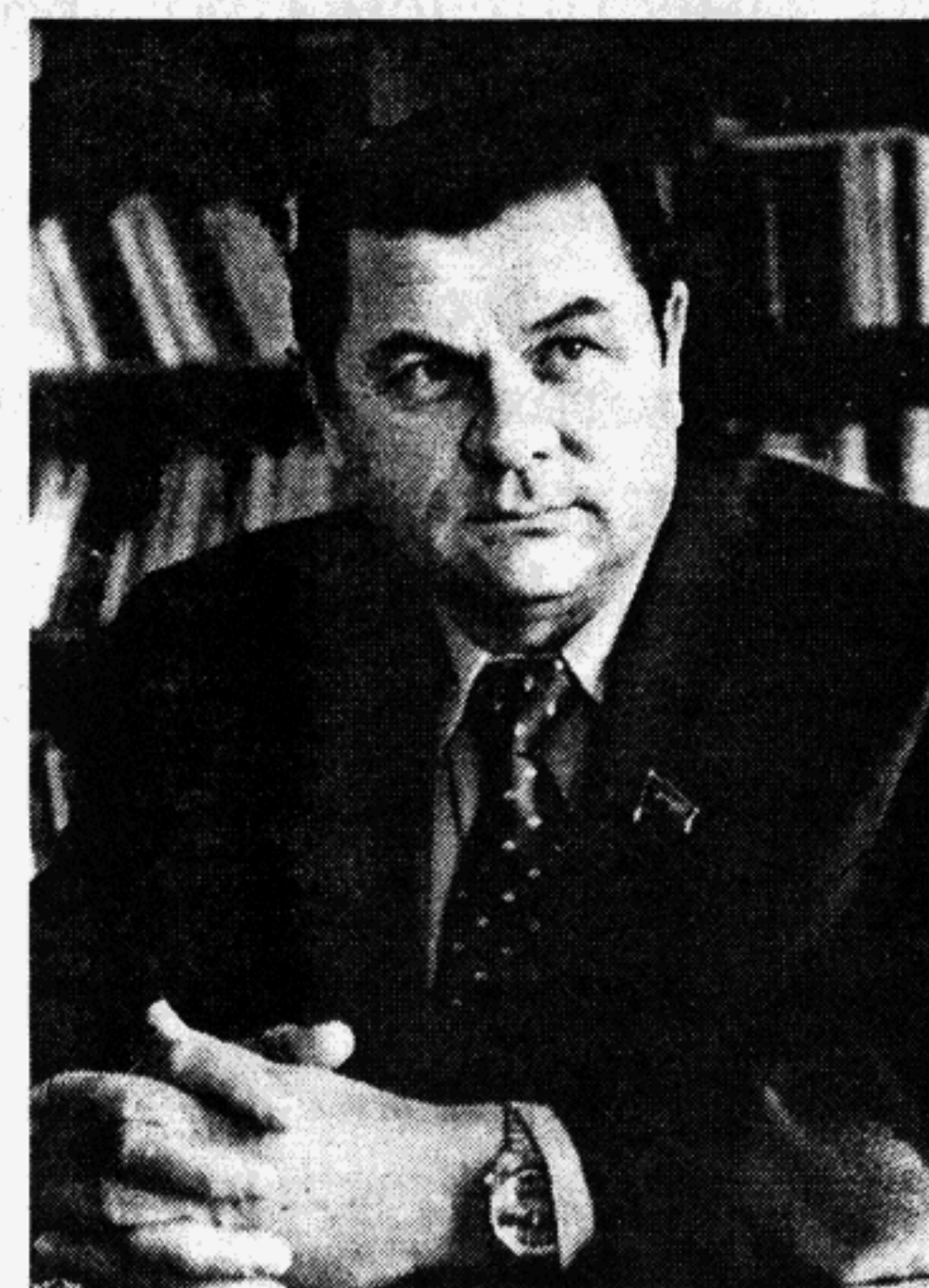
О Владиславе Григорьевиче можно рассказывать бесконечно много и в разных аспектах, но особо хочу подчеркнуть, что он никогда не вмешивался в работу прокуратуры и всегда требовал точного соблюдения закона.

Сергей Бганба,

Заслуженный юрист Абхазии

«Новый день» 10.09.2013 г.

КАК БОРИС АДЛЕЙБА ВЫВЕЛ МЕНЯ ИЗ-ПОД УДАРА

Семидесятые годы прошлого века были отмечены очередным обострением национально-освободительной борьбы абхазского народа с политикой грузинского шовинизма.

В мае 1972 года меня назначили начальником следственного отдела Прокуратуры Абхазии. До меня на эту должность назначали только грузин. Это был ведущий отдел в органах прокуратуры. Моей деятельностью непосредственно руководил заместитель Прокурора республики Квачахия Николай Михайлович. Он неплохо относился к абхазам и постарался мне передать весь богатейший опыт своей работы. После его смерти в 1974 году заместителями прокурора по следствию работали разные люди, все они были менее опытны и слабее своего пред-

шественника. К тому времени в Прокуратуре СССР уже знали меня.

В 1978 году статус моей должности был повышен, я должен был стать заместителем Прокурора Абхазии по следствию и одновременно руководить следствием. Это происходило против моей воли, поскольку я хорошо понимал, что грузины могут не согласиться на такой уровень для абхаза. Несмотря на это, Первый секретарь Абхазского обкома партии Борис Викторович Адлейба ходатайствовал перед ЦК Грузии о моем назначении на эту должность. На секретариате ЦК Эдуард Шеварднадзе услышав, что я уроженец села Бзыбь Гагрского района, сразу же среагировал и сказал: «Абхазский обком партии и Прокуратура Грузии поспешили с кандидатурой Бганба на эту должность».

Далее начали перечислять все взыскания, которые я имел за годы своей работы.

Секретарь ЦК В. Сирадзе решила меня спровоцировать, и спросила: «Наверное, товарищ Бганба, вас не всегда правильно наказывали?» Когда я ответил ей, что я по образованию юрист и прокурорский работник и незаконность подобных решений, безусловно, обжаловал бы. Она, поняв, что я на ее провокацию не поддаюсь, сразу вся покраснела. Тут лиса Шеварднадзе решил разрядить ситуацию и предложил все-таки назначить меня на эту должность. Никто уже возражать не стал. Примерно через месяц, в августе 1978 года, меня вызвали на Всесоюзное совещание прокурорских работников в Ереван. Совещанием руководил заместитель Генерального прокурора СССР В. Найденов. Он заявил после моего выступления, что мне нужно возвращаться в Абхазию, Шеварднадзе на этом настаивает.

В это время в Абхазии произошли серьезные события по поводу ущемления прав абхазского народа. Через два дня я прилетел в Сухум и в тот же день был направлен в Гудауту, где происходили самые бурные события. Естественно, грузины мне не доверяли, тем не менее, они не сумели меня удалить с допросов абхазов, производимых следователями Грузии. Допросы шли целый день, после чего трое абхазов были задержаны.

Безусловно, незаконно прослушивались переговоры по телефону Первого секретаря Гудаутского райкома партии. Не допуская мысли о том, что разговоры прослушиваются, Борис Адлейба позвонил мне из кабинета Первого секретаря Гудаутского райкома и спросил, как продвигается работа. Я ответил, что никаких доказательств в неправомерных действиях нет, людей задерживают незаконно. В тот же вечер нас всех собрали у Первого секретаря обкома. Не пришел прокурор республики В. Вардая и его заместитель Д. Силагадзе. Так что прокуратуру представлял я.

Меня поднял присутствовавший Шеварднадзе и спросил, сколько человек за эти дни задержано и сидят в КПЗ. Я сказал, что всего три человека. Он возмутился и заявил, что еще вчера, по докладу В. Вардая, было задержано семнадцать человек: где они?. Я настоял на своей, правильной информации. В это время министр внутренних дел Грузии спросил: «Дадите ли вы, товарищ Бганба, санкцию на арест этих лиц?». Я уже понял, что им было известно содержание нашего телефонного разговора с Борисом Викторовичем. «При наличии оснований будет дана санкция», - таков был мой ответ. Заместитель Прокурора Грузии вскочил с места и сказал, что он был бы очень рад, если бы Бганба ошибался. Но он специально

вводит всех в заблуждение. Тут Шеварднадзе со злобой произнес: «Мы сомневались в вашем назначении на должность заместителя прокурора, и я был прав». Все члены бюро Абхазского обкома партии и руководители правоохранительных органов республики из страха перед Шеварднадзе не осмелились возразить.

Борис Викторович мгновенно среагировал на высказывание первого секретаря ЦК и заявил: «Эдуард Амброси-свич! Абхазский обком знает, кого рекомендовать и кого назначать. Сергей Дугужевич — опытный прокурорский работник, работу свою знает, и мы не вправе огульно его осуждать». (Кстати, на следующий день после этого заседания задержанные были освобождены из-под стражи).

Так Борис Викторович вывел меня из-под удара все-сильного Шеварднадзе. Для того непростого времени Б. Адлсейба взял на себя всю ответственность и защитил меня.

Он по натуре своей был мудрым, мужественным человеком и знал, что делать в таких ситуациях.

Заслуженный юрист Республики Абхазии

С. Бганба

«Новый день» 29.10.2013 г.

В ПАМЯТЬ О СВЕТЛОМ ЧЕЛОВЕКЕ — МИРОНЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ШАМБА

ШАМБА М.М. родился 14 декабря 1914 года в селе Абгархук Гудаутского района.

В 1933 году, окончив Сухумскую абхазскую среднюю школу, поступил на исторический факультет Сухумского государственного педагогического института имени А.М. Горького.

После окончания института Шамба М.М. был направлен на комсомольскую работу и вскоре был назначен помощником Прокурора Абхазской АССР. На этой должности проработал до призыва в армию.

В 1942 году ушел добровольцем на Великую Отечественную войну. После демобилизации из Красной армии он был направлен на ответственную работу в хозяйственные и советские органы.

Шамба Мирон Михайлович прошел большой жизненный путь. С 1948 года по 1953 год работал адвокатом, заведующим юридической консультацией Гудаутского района. В этот период, без отрыва от производства, он окончил Ростовский юридический институт.

В ноябре 1953 года назначен заместителем Прокурора Абхазской АССР. Уже через год Шамба М.М. был избран председателем Верховного Суда республики. Вскоре он был назначен Прокурором Абхазской АССР.

В августе 1956 года Шамба М.М. — генерал юстиции, являясь не только принципиальным прокурором, но и смелым человеком, на собрании актива Абхазской партийной организации в своем выступлении осудил националистическую политику ЦК КП Грузии в отношении лиц абхазской национальности и кадров республики.

Его справедливое выступление было неоднозначно воспринято в ЦК КП Грузии и это отразилось на последующей его деятельности. Так, по надуманным основаниям он был освобожден от должности Прокурора республики.

Только в мае 1959 года Шамба М.М. был избран председателем Президиума Коллегии адвокатов, а с 1962 года по 1975 год он — Председатель Народного Суда города Сухум.

На какой бы должности Шамба М.М. ни работал, он отличался такими качествами, как трудолюбие, добросовестность, принципиальность, высокий профессионализм.

В период работы заместителем Прокурора Абхазской АССР, Прокурором республики, он придавал большое значение профилактике преступлений, укреплению деловых связей с общественностью, сознавая, что только

общими усилиями можно добиться строжайшего соблюдения законов гражданами и должностными лицами.

В своей многогранной прокурорской деятельности он особое значение придавал раскрытию преступлений. Как правило, преступники часто маскируют следы преступления. В обиходе обычно говорят, что от ошибок никто не гарантирован, но Мирон Михайлович знал, что ошибка следователя может привести к трагическим последствиям, отразиться на судьбе человека. Безусловно, труд следователя кропотлив, требует большой усидчивости и настойчивости. Исходя из этого, он подбирал следователей, наблюдал за их работой, проявляя к ним отеческую заботу.

Где бы он ни работал, он внимательнейшим образом следил за успехами и промахами каждого сотрудника, требуя от них строгого соблюдения законов.

В период работы на судебных должностях, он от всех своих подчиненных требовал внимательного отношения к судьбам людей и вынесения справедливых судебных решений.

Всегда с карандашом в руке изучал новинки юридической литературы. Того же требовал от своих сотрудников. По характеру был спокойным, чутким, мудрым человеком, был доступен для всех.

Я, будучи молодым специалистом, не раз обращался к нему за советом. Он прекрасно знал не только свою профессию, но и жизнь, которая для абхазов в те времена, мягко говоря, была сложной. Он всегда находил нужное слово и совет. Мирон Михайлович был не только большим патриотом, но и интернационалистом, особо был внимателен при решении судеб лиц других национальностей.

Примером может быть следующий интересный случай в бытность его работы председателем Сухумского городского суда. Он рассматривал дело о бродяжничестве и ту-неядстве. Подсудимый находился под стражей, ему грозило лишение свободы. В тот период такие дела не были редкостью. Судили выходца из средней полосы России. Мирон Михайлович обеспечил бродяге защитника за счет государства.

Адвокат, используя пример знаменитого Плевако, в своей речи заявил, что уважаемые судьи допускают огромную ошибку. Он сказал, что подсудимый не преступник, а странствует в силу характера своей души, и кто знает, что из него получится в дальнейшем. При этом адвокат рассказал о факте странствования Алексея Пешкова, который пешком прошел по всей Абхазии, а впоследствии стал всемирно известным писателем Максимом Горьким.

Мирон Михайлович начал улыбаться и после совещания оправдал подсудимого на законных основаниях, в силу недоказанности вины подсудимого.

Мирон Михайлович был внимателен и к судьбам своих близких. Если кто-то незаслуженно их ущемлял, он горой стоял за них.

После ухода из судебных органов, он вновь работал Председателем Президиума Коллегии адвокатов, до окончания своей жизни в 1992 году.

Мирон Михайлович Шамба был великолепным собеседником, замечательным оратором. Для нас, молодых, было большой школой слушать его глубокие и мудрые речи.

За добросовестное отношение к работе, за высокий профессионализм ему были присвоены почетные звания

Заслуженного юриста Абхазской АССР и Заслуженного юриста Грузии.

В моей памяти он остался не только как большой государственный и общественный деятель, но и как замечательный человек, любимый и уважаемый всеми, кто его знал.

С.Д. Бганба

Заслуженный юрист Республики Абхазия

ВЫСТУПЛЕНИЕ

На траурном митинге в день похорон видного государственного и общественного деятеля
Шамиля Николаевича Лакоба

После тяжелой и непродолжительной болезни ушел из жизни славный сын нашего народа, Заслуженный юрист, видный государственный деятель – ШАМИЛЬ НИКОЛАЕВИЧ ЛАКОБА.

Жестокая война, навязанная Абхазии, причинила страшное горе нашему народу. Казалось бы, что мы уже привыкли к потерям наших близких и родных. Тем не менее, весть о кончине Шамиля Николаевича, всеми, кто его знал, воспринята как личное горе.

Шамиль Николаевич прошел большой жизненный путь от помощника Прокурора города Сухум, до руководителя Прокуратуры Республики Абхазия, Верховного Суда, Министерства юстиции и других государственных органов.

На всех участках своей деятельности он все свои силы и знания отдавал беззаветному служению Родине, всегда относился к возложенным на него обязанностям с высоким сознанием ответственности.

В 1954 году, после окончания Московского Государственного Университета, Шамиль Николаевич начал работать помощником Прокурора города Сухум.

Его кипучая энергия, целеустремленность, организованность и его талант были замечены. И в 1958 году он был назначен Прокурором Республики Абхазия.

Будучи прокурором, Шамиль Николаевич немалую роль сыграл в организации борьбы с преступностью, в укреплении правопорядка и законности в Республике.

В его деятельности не было мелочей, второстепенных вопросов. За делом у него всегда стояла судьба живого человека. Он был внимательным ко всем и к каждому.

Я тоже не был обделен его заботой. В 1961 году я впервые перешагнул порог Прокуратуры Республики. Меня встретил молодой, отзывчивый, добрый человек. В тот период времени и в последующие годы, Прокурор Республики не был наделен правом приема на работу, как следователей, так и других оперативных работников.

К сожалению, я об этом не знал, и он мне стал разъяснять мое положение, проявив щедрость.

Вопреки всем законам, в течение месяца, он издал приказ о моем назначении следователем Прокуратуры города Сухум.

С того времени я работал все свои годы под пристальным вниманием умелого организатора, высококвалифицированного специалиста Шамиля Николаевича.

Мне посчастливилось. Он учил не только как работать,

но и как вести себя, как общаться с оступившимися лицами и их родственниками.

Я и младшие товарищи всегда учились у Шамиля Николаевича. Мы искренне завидовали его гражданственности, политической зрелости, принципиальности, умению смело и творчески решать выдвигаемые работой задачи, высокому его профессионализму.

Благодаря присущей ему отзывчивости, скромности, Шамиль Николаевич завоевал авторитет и уважение у всего нашего народа. Он знал отчаяние народа, во время серьезных испытаний всегда находился в гуще событий и мужественно защищал интересы народа. О его преданности свидетельствует тот факт, что он одним из первых должностных лиц, рискуя своей карьерой, подписал Лыхненское Обращение в ЦК КПСС в 1989 году.

Ушел из жизни прекрасный, талантливый, умелый организатор, обаятельный человек, но память о нем навсегда сохранится в сердцах его коллег и благодарных учеников.

Прощай, Шамиль Николаевич!

Светлая память о Вас навсегда сохранится в наших сердцах.

Первый заместитель
Генерального Прокурора
Республики Абхазия С. Бганба

24 сентября 1997 г.

ОН ОПРЕДЕЛИЛ МОЮ СУДЬБУ...

(Из жизни недавнего прошлого)

Меджит Мустафович Аргун родился в селе Анхуа Гудаутского района в 1923 году в крестьянской семье.

Он получил прекрасное воспитание. В духе уважения к старшим его воспитали не только родители, но огромное влияние на его формирование оказала и семья известного в Абхазии педагога – директора Новоафонской школы Бориса Давидовича Авидзба. После окончания Новоафонской средней школы в 1941 году он был призван в ряды Советской армии и зачислен в курсанты Сухумского военно-пехотного училища.

Особое место в жизни Меджита Мустафовича занимают суровые годы Великой Отечественной войны. В июле 1942 года он был направлен в действующую армию, из которой демобилизовался в должности командира стрелковой роты в ноябре 1946 года. Во время Великой Отечественной во-

ины получил боевые ранения, после госпиталя вновь вернулся в строй. Был награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, боевыми медалями. В период службы вступил в ряды КПСС.

По окончании войны, до 1951 года учился в Московском юридическом институте. На человека, прошедшего Великую Отечественную войну, получившего хорошее образование, обратили внимание партийные органы автономной республики.

Вначале он был направлен на работу в Прокуратуру республики в качестве помощника прокурора по общему надзору. Затем его перевели инструктором, заместителем заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Абхазского обкома.

С 1954 года он — министр юстиции Абхазской АССР, с 1957 года — секретарь Президиума Верховного Совета Абхазской АССР, с 1962 года — Прокурор республики, с 1978 года — председатель Верховного Суда. Неоднократно избирался членом Абхазобкома и депутатом Верховного Совета. На всех уровнях своей профессиональной деятельности он проявлял принципиальность и требовательность в сочетании с глубоким внимательным отношением к людям.

Руководство Грузии во все времена препятствовало становлению и росту национальных кадров. Несмотря на это, наш народ вправе гордиться многими видными государственными деятелями. Одним из них являлся Меджит Мустафович, государственный советник юстиции третьего класса (присваивалось Президиумом Верховного Совета СССР).

Пятнадцать лет мне довелось работать под его руководством. Он запомнился как человек большой души, занимавший государственные посты заслуженно.

Был примерным и заботливым семьянином, вместе с супругой — педагогом Галиной Владимировной Гвалия вырастил достойных детей.

Меджит Мустафович, несмотря на шовинистическую политику руководства Грузии, внес значительный вклад в комплектование прокуратуры национальными кадрами. За период деятельности в прокуратуре он принял на работу таких известных впоследствии юристов, как Георгий Колбая, Тарас Шамба, Владимир Гурджуа, Рауф Коруа, Заур Барциц, Леонид Абгаджава, Рауф Авидзба, Алла Авидзба, Беслан Колбая, Юрий Арчелия, Харитон Дашелия, Лева Матуа, Людмила Соломко, Владимир Шелегов, Виталий Галустян и многих других.

В числе многих он определил и мою судьбу. В 1957 году после окончания Гагрской школы рабочей молодежи я приехал поступать в Сухгоспединститут на физмат. Проезжая мимо здания института, где я стоял в толпе абитуриентов вместе с моей тетей М. Авидзба, которая была подругой его сестер, он остановился и подошел к нам. Пролистав мой аттестат, он сказал, что в республике не хватает национальных кадров — юристов, и убедил меня в необходимости ехать в юридический институт.

Он тут же отвез меня к Председателю Совета Министров автономной республики М. Бгажба, и с ходатайственным письмом я был отправлен в Саратов.

Внешне спокойный и уравновешенный, Меджит Мустафович был очень строг и требователен к подчиненным. Но мы его уважали, поскольку знали, что он никогда никому нас незаслуженно не даст в обиду. В работе он всегда осознавал, что его трудовая деятельность связана с защитой интересов простых людей, четко понимая, что за каждым уголовным делом стояла судьба человека. М. Аргун всегда

помогал случайно оступившимся, был принципиален в отношении опасных преступников. За эти годы не раз я был очевидцем, когда он говорил высшим руководителям республики: «Вас ввели в заблуждение родственники арестованного, - он преступник, ему место в тюрьме». Его слову верили, у него был непререкаемый авторитет.

Он никогда не обращался с просьбами, касающимися влияния на ход дела, за исключением одного эпизода.

Однажды он вызвал меня к себе и как начальнику следственного отдела поручил разобраться с «Делом Сичинава», совершившего обсчет на сумму ста рублей при отпуске товаров со склада и содержащегося под стражей. По заявлению родственников арестованного, он тяжело болен и не выдержит тюремных условий. Естественно, я изменил ему меру пресечения, дав соответствующее указание Гульрипшскому прокурору, то есть по месту расследования. Впоследствии он был осужден условно. Спустя определенное время в общественном месте тот самый. Сичинава, здоровенный мужик, подошел к нам и поздоровался, подавая руку. Он спросил, не я ли давал указание облегчить его участь? Меджит Мустафович никогда не имел обыкновения грубо выражаться, но в данном случае возмутился и произнес: «Сергей! Он и нас переживет, какой он больной? Меня подвел председатель Комитета Народного Контроля К. Сичинава, как ему не стыдно». Все это было сказано с гневом и обидой по отношению к чиновнику. Сегодня это понятие непопулярно, но Меджит Мустафович был кристально честным человеком.

Был и такой эпизод. Инструктор Абхазского обкома партии Гиви Каджая в Мерхеульском ресторане пренебрежительно высказался в отношении Шарикадзе, известного в республике «криминально-делового авторите-

та», впоследствии оказавшегося и осведомителем МВД Грузии. Шарикадзе, недолго думая, огрел его полной бутылкой шампанского. Дело получило огласку и расследовалось центральным аппаратом прокуратуры.

Вышестоящий ответственный работник Абхазобкома решил повлиять на ход расследования. Меджиту Мустафовичу очень не понравился тон его разговора и он сказал ему: «Вы у себя в обкоме наводите порядок, мы сами разберемся». Учитывая власть и авторитет обкома партии для того времени, это был очень смелый поступок.

Подобных случаев было немало и мы всегда гордились принципиальной прокурорской позицией М. Аргун.

Меджит Мустафович всегда разделял и радость, и горе в семьях сотрудников. Всегда он был рядом, всегда оказывал поддержку. Он часто встречался с людьми, интересовался их судьбой, помогал им как депутат. В период оккупации части Абхазии грузинскими захватчиками Меджит Мустафович находился в столице и, как и многие, перенес все тяготы.

Руководители режима и примазавшиеся к ним «патриоты» неоднократно предлагали Меджиту Мустафовичу войти в состав печально известного «Комитета спасения» и выступить по телевидению. Несмотря на давление и неоднократные доставки в комендатуру под конвоем, он, проявляя мужество, отказался от всего этого. В нашей памяти он всегда остается как патриот, государственный человек, прекрасный семьянин, внимательный, интеллигентный, отзывчивый человек.

Заслуженный юрист Республики Абхазия

Сергей Бганба

«Новый день» 09.11.2011 г.

НАДО ВСЕГДА БЫТЬ ВНИМАТЕЛЬНЫМ К ЛЮДЯМ

В память о прекрасном человеке

Есть личности, пример жизненного пути которых может и должен служить будущим поколениям образцом воплощения человечности, порядочности и профессионализма.

Вспоминая их мы, представители старшего поколения, стараемся помочь многим из младших современников избежать ошибок и показать, насколько важны честность, порядочность и верность делу.

Одним из таких людей был юрист Николай Михайлович Квачахия, который ушел из жизни давно, сорок лет назад.

Он родился в 1928 году. После окончания с отличием юридического факультета Тбилисского университета он

вернулся на родину и стал работать следователем Прокуратуры Сухумского района, затем был назначен Прокурором города Гагра. Работая прокурором, он много сделал для укрепления законности и наведения правопорядка в регионе.

На его успешную деятельность в борьбе с преступностью обратили внимание руководители республики и ими он был рекомендован заместителем Прокурора Абхазской АССР. В свои 32 года он был назначен на эту должность, где проработал до своей кончины в 1974 году. Он непосредственно руководил работой старших следователей и прокуроров следственного отдела Центрального аппарата, а также осуществлял прокурорский надзор за следствием районных и городских прокуратур и за следствием и дознанием в органах МВД и КГБ Абхазской АССР.

Николай Михайлович очень много делал также для повышения профессионального уровня прокуроров и следователей, воспитывая их в духе принципиальности и высокой ответственности за порученное дело. Он добивался того, чтобы они в своей практической деятельности со знанием дела решали задачи, поставленные перед ними.

Он прекрасно знал русский язык, владел им свободно, имел громадный словарный запас, и составляемые им документы отличались логичностью и высокой грамотностью. Он был не только отличным организатором, но и прекрасным семьянином. Вместе с супругой они воспитали двух прекрасных детей — дочь и сына.

Особенно внимательно Николай Михайлович относился к молодым специалистам, помогая им овладевать методикой и тактикой прокурорско-следственной работы, а также быть внимательным к судьбам людей, независимо

от их национальной принадлежности и социального положения. Будучи выдержанным, спокойным и справедливым человеком, в коллективе создавал атмосферу доброжелательности и хорошего рабочего настроения.

Неоценима его роль в привитии мне любви к следственной работе. Он делился со мной своим богатым опытом, непосредственно руководил моей работой с момента назначения меня в 1963 году старшим следователем Центрального аппарата Прокуратуры Республики.

По предложению Николая Михайловича в 1970 году я был переведен прокурором следственного отдела и на меня был возложен надзор за следствием и дознанием аппарата МВД Республики.

В начале 1972 года прокурор столицы Л.Г. Антелава предложил мне дать согласие на назначение меня заместителем прокурора города.

Я решил посоветоваться с Николаем Михайловичем. Он выразил недовольство по отношению к А.Г. Антелава и сказал: «Я десять лет воспитывал тебя не для него, у меня и у Прокурора республики М.М. Аргуна на тебя другие планы», — и вскоре, в мае 1972 года, я был назначен начальником следственного отдела Прокуратуры Республики.

В начале моей работы на этой должности, ко мне зашел весьма уважаемый прокурор Очамчирского района А.Т. Эмухвари и доложил, что он арестовал педагога одной из школ района за то, что тот избил директора из-за сокращения количества часов педагогической нагрузки. Действия педагога были квалифицированы по статье 228 УК, предусматривающей ответственность за хулиганство. Но в процессе следствия хулиганство не нашло подтверждения. Его действия он решил переквалифицировать на

причинение легкого вреда здоровью по статье 112 УК, где мера наказания предусмотрена исправительными работами или лишением свободы до одного года, если я на это согласен. Я дал свое согласие. Во время обсуждения этого вопроса в кабинет случайно вошел Николай Михайлович. Узнав о принятом нами решении, он оказался в недоумении из-за моего согласия. Поняв, что я попал под влияние авторитета Очамчирского прокурора, Николай Михайлович заявил: «Нанесение побоев должностному лицу в связи с выполнением им своих служебных обязанностей надо квалифицировать по статье 209 и мера наказания там до трех лет лишения свободы. Не надо менять меру пресечения, пусть суд решит его судьбу».

После ухода А.Т. Эмухвари Николай Михайлович пригласил меня в кабинет, где сказал: «Никогда не принимай поспешных решений. Изучи дело вместе с зональным прокурором и установи законность принимаемого решения, и отстаивай его. Поспешное решение подорвет твой авторитет. Не позволяй такого». Я всю жизнь придерживался этого совета. Добрых советов было много, обо всех не скажешь. Но один из них хочу отметить: после обсуждения конкретного дела Николай Михайлович сказал мне: «Наша работа почетная, но весьма ответственная. Надо всегда быть внимательным к людям, нельзя допустить, чтобы после ухода с должности, народ плевал бы нам в спину». Такой совет мог дать только высоко порядочный человек.

Николай Михайлович никогда не хвалил в лицо человека, но он знал время и место, когда это надо сделать. Нам не повезло с зональным прокурором из аппарата Прокуратуры Грузии, осуществлявшим надзор за нашей деятельностью, — Г. Квелидзе. Он всегда в моей работе искал только упущения, умалчивая обо всех положитель-

ных действиях. Так в феврале 1973 года Г. Квелидзе, принимая участие в республиканском совещании сотрудников прокуратуры и других правоохранительных органов нашей республики, перед своим выступлением подошел к Прокурору Республики М.М. Аргуну и посмотрел списки включенных для выступления. Увидев мою фамилию, он попросил М.М. Аргуна дать ему слово после моего выступления. Аргун сказал: «Сергей Дугужевич выступать не будет». Однако, как только Г. Квелидзе вышел к трибуне, прокурор республики М.М. Аргун громко заявил: «Подготовиться Бганба Сергею Дугужевичу».

Таким путем М.М. Аргун хотел удержать Г. Квелидзе от необъективного выступления, тем более, что на совещании присутствовал вновь назначенный второй секретарь Абхазского обкома партии Сакварелидзе А.П., который еще не знал деловые качества наших сотрудников. Г. Квелидзе в своем выступлении не сдержался, и в его речи было много незаслуженной критики, как в мой адрес, так и в адрес других работников.

Я в начале своего выступления сказал о проделанной работе за год и рассказал, какие успехи мы имеем в своей деятельности и далее заявил, что необоснованные указания Г. Квелидзе, противоречащие закону, мы не будем выполнять. Свои амбиции он должен оставить при себе.

Николай Михайлович не собирался выступать, но, боясь, что второй секретарь обкома партии неправильно воспримет мое выступление, сразу же вышел на трибуну после меня и привел много конкретных фактов не в пользу Г. Квелидзе. Была высказана резкая критика, и аудитория это приветствовала своими аплодисментами.

Автандил Петрович Сакварелидзе — второй секретарь обкома партии — в связи с нашей полемикой, заявил: «Я

не знаю, кто из вас прав» — и, обращаясь к Г. Квелидзе, сказал: «Надо быть внимательным к людям. Не смотреть на них свысока, а дружить и помогать им в работе».

Авторитет Николая Михайловича был настолько высок, что никто из нас не мог осмеливаться вести себя панибратски. Эти вопросы он решал сам. Иногда в конце недели он мог предложить нам провести время в дружеской обстановке. Это было для нас событием.

21 февраля 1974 года Николай Михайлович утром зашел ко мне в кабинет и сказал: «Хочу позавтракать в нашей столовой. Мне одному неудобно, прошу пойти вместе со мной». За столом он сказал: «Я скоро умру. Вчера ночью во сне ко мне пришел отец и сказал: «Сынок, ты устал» — и он забрал меня с собой». Я, естественно, попытался его успокоить. К сожалению, в тот же вечер его не стало.

Была создана правительственная комиссия по его похоронам, руководство по организации похорон возложили на большого патриота абхазского народа, государственного и общественного деятеля заместителя Председателя Совета Министров Абхазской АССР Аслана Тамшуговича Отырба. Выступая на траурном митинге, Прокурор Республики М.М. Аргун сказал, что: «в ближайшие пятьдесят лет Абхазия не получит такого мудрого, высоко квалифицированного специалиста».

Сергей Бганба,
Заслуженный юрист Республики Абхазия
«Новый день» 11.02.2014 г.

ЭНЕРГИЯ ЕГО ЖИЗНИ – АПСУАРА

О мужестве, чести и достоинстве

Во все времена руководство Грузии стремилось мешать росту и становлению абхазской интеллигенции. Каждый руководитель Грузии, как правило, всегда начинал свою деятельность с шельмования абхазских кадров. С приходом к власти Шеварднадзе в качестве Первого секретаря ЦК Компартии Грузии началось очередное нападение на интеллигенцию и национальные кадры республики.

В 1973 году для осуществления своих коварных замыслов он назначил министром внутренних дел Абхазской АССР Ковальчука, ранее работавшего его заместителем в Министерстве внутренних дел Грузии. Начальником отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) – некого Илуридзе. Эти лица с помощью начальника следственного отдела МВД Абхазской АССР

Льминадзе начали фабриковать компромат на ряд ответственных работников – абхазов.

Таким образом, им удалось арестовать известных в республике начальника АТК Г. Ашхаруа и бывшего Первого секретаря Ткварчельского горкома партии Л. Кварандзия. Целью их ареста являлась дальнейшая дискредитация ответственных партийных работников. Для получения угодных им показаний из Тбилиси в следственный изолятор МВД Абхазии доставили двух опасных преступников, имевших сроки наказания за совершение тяжких преступлений от 9 до 12 лет. По указанию Ковальчука и Илуридзе эти осужденные днем проводили время в ресторанах, а ночью, будучи в хмельном и разнузданном состоянии, издевались над заключенными, арестованными по хозяйственным делам. Таким путем они получили нужные им показания также в отношении Л. Кварандзия. После его ареста Ковальчук и его приспешники стали вынуждать их дать показания в отношении высоко порядочных, честных, справедливых и преданных своему народу партийных работников В. Кобахия (в то время Первого секретаря Абхазского обкома партии) и Х. Авидзба (Первого секретаря Сухумского райкома). В народе до сих пор хранится о них добрая память. Как Г. Ашхаруа, так и Л. Кварандзия оставались мужественными людьми и не позволили себе оговорить порядочных людей.

Не знаю, каким образом это удалось Л. Кварандзия, но он сумел написать и передать адресатам – Первому секретарю В. Кобахия и Прокурору Республики М. Аргун информацию о зверствах, чинимых в застенках изолятора. В документе было указано, что их систематически избивают, пытаются и требуют дать показания якобы о том, что они давали взятки именно этим руководителям.

Далее Л. Кварандзия в письме указал, что этих фактов не было, и если иные показания появятся, то это результат недозволенного ведения следствия.

Письмо, поступившее Прокурору Абхазии, было переадресовано мне, работавшему в тот период начальником следственного отдела прокуратуры, с указанием хранить его в личном сейфе до особого случая.

После письма Л. Кварандзия подсадных преступников самолетом немедленно вернули в Тбилиси, издевательства прекратились.

Сегодня, ценой большой крови народа Абхазии, добровольцев Северного Кавказа и всей большой России, мы живем в независимом признанном государстве. Но я счел необходимым рассказать об этом случае для того, чтобы наши внуки и правнуки знали об истинном отношении руководства Грузии к Абхазии, и в каких условиях жила наша страна.

Сергей Бганба

Книга «Воспоминание. Энергия его жизни – Апсуара», посвященная жизни и деятельности Григория Чаговича Апшаруа. Стр. 61 – 62.

ПАМЯТЬ ЖИВА

В истории нашего государства, в памяти людей навечно останутся те, кто отдал жизнь за освобождение Абхазии от грузинских оккупантов.

Одним из них является Артур Николаевич Читанава. Он родился в 1949 году в г. Очамчира Абхазской АССР. В 1977 году был направлен на учебу в Омскую Академию МВД СССР и в 1980 году окончил ее.

До войны мне не приходилось общаться с Артуром, так как мы работали в разных структурах, но от его сослуживцев я знал, что должностные лица грузинской национальности преследовали его за преданность своему народу, честность и принципиальность.

В первый день войны я с ним встретился у здания Прокуратуры Республики, где предполагалась встреча с руководством прокуратуры. Однако напряженная обстановка не позволила нам этого.

Я работал Транспортным прокурором и Артур не был подчинен мне по службе.

Несмотря на это, он в силу своей воспитанности, подошел ко мне, как старшему по возрасту и твердо сказал: «Сергей Дугужевич! Я для себя определился – иду защищать Родину!»

Из работников прокуратуры он первым подал пример.

Вначале он служил в разведке и, рискуя жизнью, собирал важные сведения о расположении противника.

Из-за того, что руководство прокуратуры Грузии всячески препятствовало приему на работу в органы прокуратуры лиц абхазской национальности, в начале войны мы оказались без специалистов, и в связи с этим возникла необходимость отзыва с фронта Артура.

Лишь после настоятельных просьб Артур вернулся в прокуратуру и стал выполнять обязанности помощника прокурора отдела общего надзора Прокуратуры Абхазии.

За короткий промежуток времени Артур для меня стал близким человеком, он отличался от своих сослуживцев простотой, высокой интеллектуальностью и преданностью служебному долгу.

15 июня 1993 года моим приказом за безупречную работу Артуру был присвоен классный чин – «Советник юстиции».

Война для нашего народа оказалась долгой, упорной и кровавой. Погибали лучшие сыновья и дочери Абхазии.

Артур и другие сотрудники прокуратуры не выдержали и написали заявление руководству фронта с просьбой направить их для участия в боевых действиях по освобождению Абхазии от оккупантов.

Несмотря на то, что их душевное стремление не было удовлетворено, Артур при каждом наступлении наших войск принимал участие в боевых действиях.

Зная его характер, я стал опасаться за его жизнь, ведь он был единственным кормильцем семьи. Уговорить его было невозможно, надо было найти какой-то выход.

Зная о предстоящем наступлении в сентябре месяце 1993 года, в день отправки добровольцев на боевые позиции, я пригласил Артура к себе и попросил его по окончании работы отвезти меня и семью в село Нижняя Эшера Сухумского района на могилу моего сына Астамура, погибшего в бою 5 января 1993 года.

В этой просьбе он не мог отказать и согласился. Однако мое предчувствие меня подвело. В назначенный час Артур зашел ко мне в кабинет и сказал: «Простите, мой долг идти вместе со всеми освобождать Сухум» – и ушел. Это была наша последняя встреча.

За три дня до освобождения г. Сухум Артур героически погиб в наступлении.

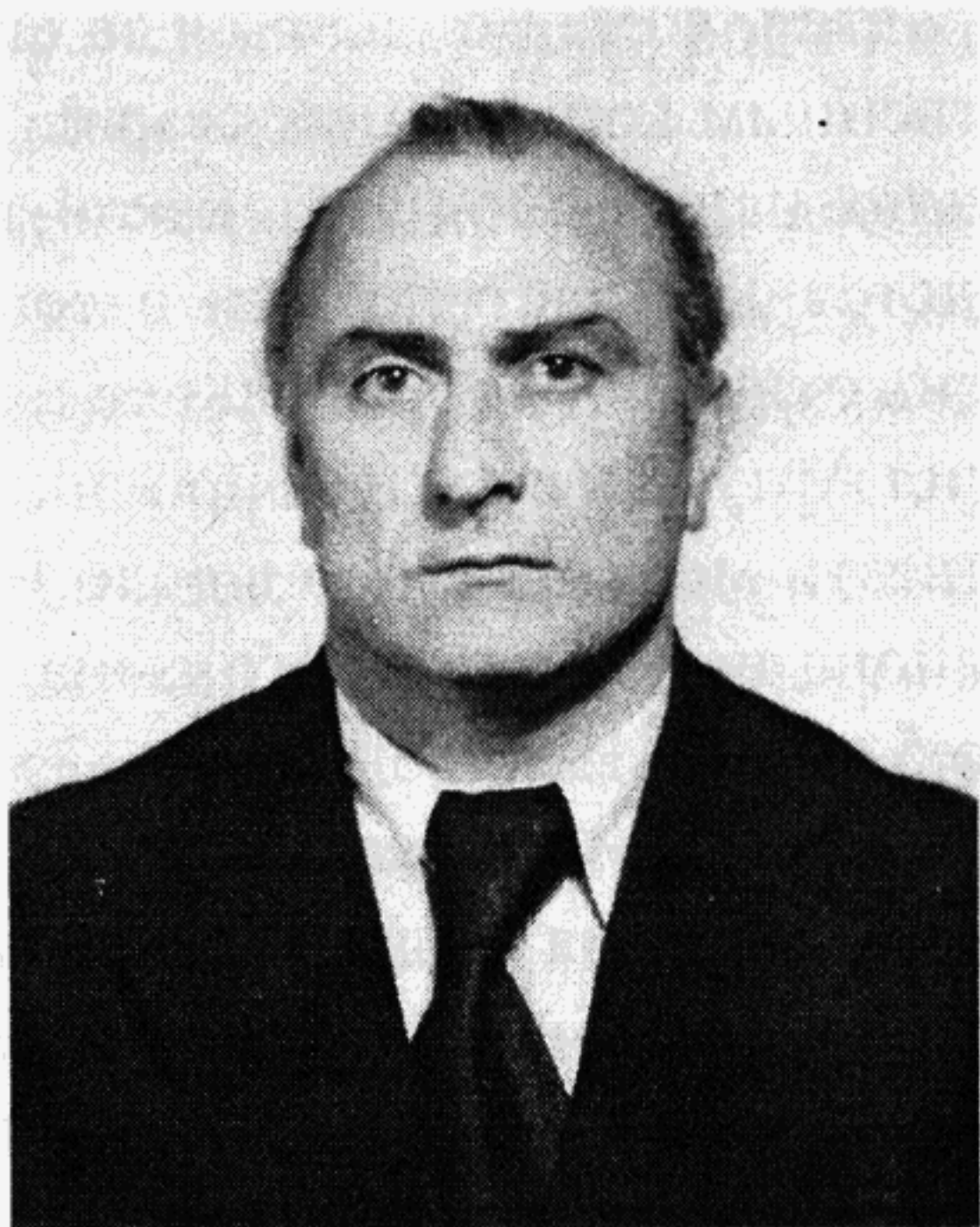
Весть о кончине Артура работники прокуратуры восприняли как личное горе. Мне выпала тяжелая миссия – я должен был пойти к матери и сообщить о страшном горе.

Это была большая трагедия для семьи Читанава А.Н. – мать потеряла любимого сына, жена осталась без мужа, а дети без отца.

Но все они выдержали это горе и не уронили честь и достоинство Артура.

Оглядываясь назад, могу смело сказать: Артуром жизнь прожита не зря – Абхазия и ее народ стали свободными.

Сергей Бганба,
Заслуженный юрист Республики Абхазия
«Новый день» 25.09.1974 г.

МЫ НЕ ВПРАВЕ ДОПУСКАТЬ ОШИБКИ

Таков был принцип жизни и деятельности замечательного человека, высококвалифицированного юриста

Ш.К. Аршба

В Абхазии были юристы, жизнь и деятельность которых должны служить примером для новых поколений специалистов. Один из таких — Шалва Кискинджевич Аршба.

Ш.К. Аршба родился 27 декабря 1931 года в семье служащих. В 1937 году его отец был репрессирован и без суда и следствия расстрелян. Детство Ш. Аршба прошло в детдоме села Пиленково (ныне Цандрипш). По окончании Хейванской средней школы Гагрского района, в 1952 году поступил на юридический факультет Московского государственного университета имени Ломоносова.

Получив прекрасное образование, он вернулся на Родину. В сентябре 1957 года был назначен стажером Прокуратуры Абхазской АССР. Вскоре, в феврале 1958 года, переведен на самостоятельную работу следователем Прокуратуры г. Гагра. Он прошел большой жизненный путь: двенадцать с половиной лет работал в органах прокуратуры; в партийных органах — шесть лет; в судах — девятнадцать лет.

Шалва Кискинджевич прекрасно понимал, что профессия следователя, прокурора, судьи — трудная, но очень интересная. Он всю свою жизнь посвятил этой профессии. Обладал мужеством, трудолюбием, настойчивостью в достижении своей цели. Эти качества его сделали профессиональным следователем, внимательным и заботливым к людям. Я с ним познакомился в начале 1961 года, в период его работы следователем Прокуратуры города Гагра. Для прохождения студенческой практики институтом я был направлен в прокуратуру этого города. Прокурором ему было поручено руководство моей практикой.

Вначале он мне показался очень сдержанным и сухим человеком. Он строго спросил: «Тебе просто нужна характеристика или ты хочешь пройти практику»? Я подтвердил, что хочу пройти практику. Первое мое впечатление о нем оказалось ошибочным: он оказался добрым, внимательным и отзывчивым руководителем.

Весь месяц, отведенный для практики, он обучал меня составлению основных процессуальных документов, а в конце практики уже требовал от меня подготовки от его имени различных постановлений по конкретным делам. При этом заставлял переделывать все по нескольку раз. После того, как добивался от меня определенных

результатов, садился рядом, исправлял и показывал, каким должен быть документ. Эта школа мне очень пригодилась.

Фактически он научил меня правилам проведения и фиксации первоначальных следственных действий. Он всегда мог дать необходимые советы. Молодые следователи брали с него пример.

С должности следователя прокуратуры г. Гагра Ш. Аршба был переведен помощником прокурора этого города в мае 1963 года, где проработал до 1966 года.

С апреля по сентябрь 1966 года работал старшим следователем Прокуратуры г. Сухум. На его старание, трудолюбие, профессиональные знания обратили внимание партийные органы и назначили инструктором Административного отдела Абхазского обкома партии.

Работая в этой должности, он хорошо понимал, что от его умения, энергии, настойчивости, организованности, инициативы и самоотверженности во многом зависит успешная борьба с преступностью. Руководствуясь этим принципом, он вникал в работу органов прокуратуры, внутренних дел и добивался эффективности их деятельности.

Спустя шесть лет, в 1974 году его назначили Прокурором города Сухум. Жизнь показала, что он не только прекрасный, опытный следователь, но и хороший прокурор. Работая в этой должности, он добился повышения уровня следствия не только в своем аппарате, но и следствия и дознания в отделе внутренних дел столицы.

Шалва Кискинджович, будучи прокурором города и участвуя в разбирательстве дел в суде, помогал судьям в установлении степени вины подсудимого и добивался вынесения законных и обоснованных приговоров. В по-

следующие годы он работал председателем Суда г. Сухум. Это были годы агрессивного засилья грузинского государственного шовинизма. В Абхазии периодически происходили вспышки национально-освободительного движения, которые жестко преследовались и карались властями из Тбилиси. И в каждом случае преследования представителей освободительной борьбы Шалва Кискинджевич вместе со своим другом, членом Верховного Суда Юрием Голубевым делал все, чтобы хоть как-то облегчить их участь. Об этом факте никогда не следует забывать. После окончания Отечественной войны народа Абхазии он был председателем Верховного Суда Республики Абхазия.

После войны наступил сложный период борьбы с преступностью, качество следствия оставляло желать лучшего. При встречах он говорил мне: «Сергей Дугужович, мы не вправе допускать ошибки. Наши действия должны соответствовать закону. Наши дети, которые придут после нас, не должны краснеть за нашу работу».

Его супруга – Снинада Этери Рафаиловна – выросла в семье педагогов. Отец ее был известным педагогом и уважаемым человеком, участником Великой Отечественной войны. Мать – Ашуба Прасковья Аслановна являлась Заслуженным педагогом республики. Сама Этери Рафаиловна, по профессии врач-окулист, вместе с супругом вырастили прекрасного сына Константина; впоследствии он тоже стал юристом.

Труд Шалвы Кискинджовича высоко оценен государством. В 1977 году Генеральным Прокурором СССР ему было присвоено звание старшего советника юстиции.

В 1980 году присвоено звание Заслуженного юриста Абхазской АССР. Указом Президиума Верховного Совета

СССР в 1981 году награжден орденом «Знак почета». По службе имел и другие поощрения.

Видный государственный и общественный деятель Шалва Кискинджевич Аршба преждевременно, в расцвете сил, ушел из жизни 6 мая 1996 года.

Заслуженный юрист Республики Абхазия С. Бганба

Газета «Новый день» 16 сентября 2014 г.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ, ПРОЙДЕННЫЙ С ЧЕСТЬЮ

18 мая 1941 года, в простой крестьянской семье Мито Петровича и Джуры Датовны Хагуш – жителей села Бзыбь Гагрского района, в канун начала Великой Отечественной войны родился первенец – сын, которого родители называли Лёвой.

Как и у большинства детей военных лет, его детство проходило в условиях тяжелых испытаний, обрушившихся на наш народ. Потому ему, как большинству его сверстников военного времени, пришлось рано познать, что такое труд, нужда и лишения, и с ними – взрослеть не по годам.

Очевидно, именно под воздействием этих условий формировался его характер и его моральные устои, среди

которых особенно выделялись такие качества, как честность, порядочность, целеустремленность, принципиальность, справедливость и необыкновенная доброта. Именно эти качества стали эталоном его земной жизни, его деяний и поступков...

В 1950 году 9-летний Лева поступил в Бзыбскую среднюю школу, по окончании 8-го класса которой он продолжил учебу в Сухумском индустриальном техникуме, вплоть до завершения полного курса обучения в 1964 году. В том же году Лев Митович призывается в ряды Советской Армии, где в течение 3-х лет проходит воинскую службу в Ленинградском военном округе, в г. Выборге.

После демобилизации из рядов СА в 1967 году, Лев Митович возвращается в Абхазию и работает водителем Пицундского АТП, сочетая ее с учебой на заочном отделении юридического факультета Государственного университета г. Ростова-на-Дону, полный курс которого он успешно завершает в 1974 году.

Именно с этого момента происходит коренной перелом в его многотрудной жизни. Трудолюбивый, способный, грамотный молодой юрист обращает на себя внимание и становится востребованным в системе органов Прокуратуры Ростовской области, где с 1974 по 1982 годы проходит путь от стажера, старшего следователя, до старшего помощника прокурора г. Шахты.

Однако, движимый ностальгией, тягой к родной земле, семье и друзьям, он в 1982 году возвращается в Абхазию, где продолжает свою профессиональную деятельность: с 1982 по 1984 годы – в должности инструктора административного и торгово-финансового отдела Гагрского городского комитета компартии, а с 1984 по 1987 годы – в должности прокурора Гудаутского района. В августе 1987

года принципиального прокурора, отличающегося патриотизмом и порядочностью, переводят приказом «для перевоспитания» в Прокуратуру Грузинской ССР, где он проходит службу в должности прокурора следственного управления, растянувшуюся на 3 года.

В 1991 году Лев Митович возвращается на Родину, где продолжает свою трудовую деятельность. С 1991 по 1993 годы – на посту прокурора следственного отдела Прокуратуры Республики Абхазия, затем, с 1993 по 1996 годы – транспортным прокурором Абхазии.

С 1996 по 2002 годы он занимает должность начальника следственного Управления Прокуратуры РА, а в мае 2002 года выдвинут на должность Военного Прокурора – заместителя Генерального Прокурора Республики Абхазия. За короткий промежуток времени, благодаря своим организаторским способностям, сумел привлечь средства товарищей из Ростова-на-Дону и привести в надлежащее состояние служебные кабинеты Военной прокуратуры. Он, всецело погруженный в работу, строил планы на будущее, мечтал о восстановлении отечественной правоохранительной системы, ее демократизации и многих других проблемах.

Но, увы, этим планам не суждено было свершиться... В 2003 году Лев Митович Хагуш, полковник юстиции, трагически погиб в автомобильной катастрофе...

Наша жизнь полна испытаний, которые проверяют нас на стойкость, человечность и порядочность. И далеко не все достойно выдерживают их и проходят с честью свой жизненный путь.

Но только именно такие удостоиваются уважения в народе, который сохраняет и чтит память о них долгие-долгие годы. Не зря в народе эту память называют «светлой».

Не зря мудрая абхазская пословица гласит: «Человек умирает не тогда, когда наступает смерть, а тогда, когда приходит забвение»! Это в полной мере можно отнести и к нашему другу, Льву Митовичу Хагуш, который не только заслужил быть увековеченным своими делами и поступками, но и успел создать и подготовить, и утвердиться в качестве продолжателей многовековой эстафеты поколений своих родных братьев – Рудольфа, Гарри, Резика и Константина, двоих дочерей – Сайды и Сарии, и сына Юрия, получивших при его поддержке высшее образование.

Трое из них, а именно: его младший брат Константин Митович, старшая дочь Сайда и младшая Сария избрали путь, пройденный Львом Митовичем. Сегодня Константин Митович – действительный государственный советник РФ 3-го класса, генерал-майор; Сайда Львовна – начальник отдела по паспортизации и контролю УПВС МВД Республики, в звании подполковника милиции; а Сария Львовна – инспектор ПВС Гагрского РУВД. Младший же сын, недавно получивший юридическое образование, также продолжит дело отца. И главное, что и они, и мы – друзья нашего дорогого друга, сделаем все, чтобы надолго сохранить светлую память о Льве Митовиче Хагуш.

Сергей Бганба.

Заслуженный юрист Республики Абхазия

«Новый день» 12.05.2008 г

О ДРУГЕ И О ЧЕЛОВЕКЕ...

(памяти И.М. Гумба)

Прошел год со дня кончины Ивана Миктатовича Гумба.

Имя Заслуженного юриста, старшего советника юстиции, государственного человека, прекрасного семьянина связано с многолетней деятельностью в органах прокуратуры, где он проявил высокие человеческие качества, преданность закону и народу.

Он был простым, доступным, справедливым, принципиальным, честным и порядочным человеком. Иван Миктатович прошел большой жизненный путь, истоки которого были заложены его родителями. Он родился 10 мая 1932 года в крестьянской семье в селе Дурипш Гудаутского района. В 1940 году поступил в Дурипшскую среднюю школу, учился прекрасно, среди сверстников отличался большой тягой к знаниям. Его стремление поддержали

родители, и в 1951 году, после окончания школы, он поступил на юридический факультет Тбилисского государственного университета.

После ареста Л. Берия в 1953 г. в обществе открыто стали высказываться о фактах притеснения с 1936 года абхазов, греков и представителей других национальностей, живущих в Абхазии.

Иван Миктатович, хорошо знавший и испытавший это, стал открыто высказывать свое возмущение среди студентов и профессорско-преподавательского состава факультета, полагая, что уже можно говорить правду свободно. Несмотря на перемены, произошедшие в обществе, за свои убеждения он попал в число «неблагонадежных». Это долго ему мешало в работе.

Прокуратура СССР, по окончании учебы в августе 1956 года, направила его в Абхазию работать на должности следователя-стажера прокуратуры г. Сухум. В течение одиннадцати лет Иван Миктатович работал: следователем Прокуратуры Гагрского района, Прокуратуры г. Сухум, помощником Прокурора, инструктором орг.отдела столичного горкома партии, помощником Прокурора Абхазской АССР.

Используя свой большой жизненный опыт, он успешно решал сложные и ответственные задачи органов прокуратуры. Коллеги и друзья его высоко уважали за высокий профессионализм и справедливость. Спустя одиннадцать лет произошли серьезные перемены в его служебной карьере.

В феврале 1967 года, с учетом его высокой квалификации, принципиальности, бюро ЦК КП Грузии рекомендовало Генеральному Прокурору СССР назначить Ивана Миктатовича прокурором в/ч 9307. Поднад-

зорные этой прокуратуре объекты были расположены в Абхазии (Сухумский физико-технический институт и НИИ «Атолл»), а также в Тбилиси, Ереване, Рустави, Батуме и Адлере и подчинялись непосредственно министерству среднего машиностроения СССР, министерству обороны СССР и КГБ СССР. Эти объекты возглавляли крупные ученые, и уровень образования и интеллекта Ивана Миктатовича позволяли ему успешно обеспечивать надлежащий прокурорский надзор за их деятельностью.

Все документы, составляемые в своей деятельности, он в целях устранения нарушений, направлял не только должностным лицам этих объектов, но и Второму Управлению Генпрокуратуры, то есть его деятельность полностью контролировалась ею.

За образцовую работу он неоднократно поощрялся. Должность его по значимости приравнивалась к уровню прокурора области, деятельность которых ограничивалась двумя сроками (пять плюс пять), а Ивана Миктатовича на эту должность назначали четыре срока.

По истечению последнего срока его пригласили в Генеральную Прокуратуру СССР и предложили выбрать любую точку Советского Союза с секретными объектами, где бы он хотел работать. Он отказался и тогда был утвержден прокурором Гудаутского района.

Генеральная Прокуратура отношение к его личности выразила в ряде документов. Видный государственный деятель Советского Союза, Генеральный Прокурор Р.А. Руденко в июле 1972 года направил И. Гумба поздравительное письмо в связи с его награждением; подобное вряд ли можно было найти в личных делах работников прокуратуры Абхазии.

В 1978 году руководство Генеральной Прокуратуры обратилось в ЦК Компартии Грузии с ходатайством: присвоить Ивану Миктатовичу почетное звание «Заслуженный юрист Грузии». Зная его взгляды, ЦК, прикрываясь надуманными основаниями, отказало. В его лице грузинские власти не хотели видеть будущего прокурора Абхазии. Генеральная прокуратура все же настояла на своем и Иван Миктатович стал заслуженным юристом.

Иван Миктатович в 1987 году сроком на пять лет был назначен прокурором Гудаутского района. В этой должности он оказался в самые сложные периоды национально-освободительной борьбы абхазского народа. Как правило, общенародные сходы происходили на исторической поляне села Лыхны Гудаутского района. На очередном сходе 18 марта 1989 года было принято обращение к высшим должностным лицам СССР. К обращению было приложено постановление схода, в котором народ ставил вопрос о восстановлении статуса 1921 года – ССР Абхазия, что означало фактический выход Абхазии из состава Грузии. Обращение было подписано не только представителями общественности, но и руководителями Абхазии – абхазами.

Руководство прокуратуры Грузии предложило И. Гумба немедленно опротестовать этот документ как «незаконный». Иван Миктатович, проявляя высокое мужество, отказал прокуратуре Грузии, за что был досрочно освобожден от работы.

Далее он работал на разных должностях в прокуратуре и военном суде.

В 1999 году Иван Миктатович по состоянию здоровья подал заявление об освобождении от должности судьи Военного Суда РА и ушел на пенсию. Благодаря мудрой,

заботливой жене и детям он, несмотря на тяжелую болезнь, прожил еще одиннадцать лет.

Он пробовал себя в драматургии и в 2005 году подготовил и издал на абхазском языке весьма содержательную книгу со своими произведениями.

С Ваней я дружил. Он был моим близким другом, обладал колоссальным чувством юмора, с ним было приятно общаться. Я считал его не только своим другом, но и братом.

Сегодня для многих честность, к сожалению, не очень престижна. А мне вспоминается такой эпизод. В связи с тем, что Ваня гуманно отнесся к оступившемуся подсудимому и потребовал небольшого срока наказания, адвокат Челидзе от его имени взял значительную сумму денег в качестве взятки. Иван Миктатович, узнав об этом, заставил вернуть деньги и поставил вопрос о привлечении Челидзе к уголовной ответственности. Многие сотрудники прокуратуры стали заступаться за этого адвоката и просили простить его. Но он настоял на своем, и Челидзе был осужден к лишению свободы. Иван Гумба всю жизнь выполнял заветы выдающегося государственного деятеля Абхазии Н. Лакоба, требовавшего от прокуроров, судей и следователей быть выше родства и братства и подчиняться только законам.

Как человек, Иван Миктатович по натуре своей был добрым, отзывчивым, внимательным к судьбам людей и при этом мужественным человеком.

Первые дни войны Иван оставался в Сухуме. Он в лицо коллегам грузинам без страха говорил: «Нападение на Абхазию – это варварство. Все равно мы победим. Вы пришли за чужой землей, а наши дети защищают свою Родину, готовы за нее погибнуть».

В начале войны грузины пришли и взломали двери моей квартиры, и все имущество забрали. И в этой ситуации Иван Миктатович не испугался, пришел ко мне и стал поносить и ругать этих варваров. До сих пор непонятно, как его не убили.

Не только Генеральная Прокуратура высоко оценила его деятельность, но и Правительство РА. Он награжден орденом «Ахьдз-Апша».

Подрастающее поколение прокуроров и следователей должно брать с таких пример.

С.Д. Бганба

Заслуженный юрист Республики Абхазия

«Новый день» 25.04.2012 г.

ВСЮ ЖИЗНЬ – СЛУЖЕНИЮ ЗАКОННОСТИ

Год назад ушел из жизни видный государственный деятель Рауф Максимович Коруа, отдавший всю свою сознательную жизнь служению правосудию. Его смерть явилась тяжелой утратой не только для родных и близких, но и для общественности республики.

Рауф Коруа родился 3 мая 1948 года в г. Гудауте. Его родители всегда пользовались большим уважением. Отец, Максим Магович Коруа – участник, инвалид Великой Отечественной войны, мать, Тамара Адамуровна Цишба – представительница известного в Абхазии рода.

В 1958 году семья Рауфа Максимовича переехала на постоянное место жительства в г. Гагру. Жители Гагры ценили в родителях Рауфа Максимовича радушие и гостеприимство. Окруженный заботой родителей и сестер Анны и Виктории, Рауф Максимович получил прекрасное воспитание.

После окончания Харьковского юридического института в 1972 году он начал трудовую деятельность в прокуратуре г. Сухума и в течение 10 лет прошел здесь большую школу, работая в разное время стажером-следователем, старшим следователем и заместителем прокурора города. Старания и профессионализм Р. Коруа обратили на себя внимание руководства Прокуратуры Республики, и в октябре 1983 года он был переведен на работу в ее центральный аппарат. Работал прокурором-криминалистом, прокурором следственного отдела, начальником отдела по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах.

В период Отечественной войны народа Абхазии 1992 — 1993 гг. Рауф Максимович был в числе тех, кто занимался расследованием дел о зверских действиях оккупантов: убийствах мирных жителей, военнопленных.

С декабря 1996 года Р. Коруа занимал должности заместителя Прокурора Республики Абхазия, а с 9 декабря 1997 г. — первого заместителя Генерального Прокурора Республики. Одновременно Указом Президента РА ему был присвоен классный чин государственного советника юстиции III класса. В ноябре 2001 года он был назначен Генеральным Прокурором Республики Абхазия.

В ноябре 2005 года Рауф Максимович был избран председателем Верховного Суда Республики.

Рауф Коруа в течение длительного времени осуществлял прокурорский надзор за деятельностью судов. Часто ему приходилось принимать участие в процессах, и его выступления в суде отличались тем, что он, избегая громких фраз, старался на основе тщательного анализа доказательств убедить участников процесса, самого подсудимого и его родственников в объективности, справедливости и доказанности предъявленного ему обвинения.

В то же время, если в суде не находили достаточного подтверждения доводы следствия, он отказывался от обвинения и требовал оправдания подсудимого.

Занимая ответственные должности в Прокуратуре Республики и являясь высококвалифицированным специалистом, Рауф Максимович большое внимание уделял подбору и расстановке молодых специалистов и их воспитанию, внимательному рассмотрению жалоб и налаживанию организации приема граждан. Он как прокурор был доступен для всех.

Занятость по работе не мешала ему быть прекрасным семьянином. Вместе с женой Лианой Владимировной он воспитывал в своих детях те качества, которыми сам обладал: трудолюбие, честность, порядочность, искренность, доброжелательность.

Государство высоко оценило его заслуги перед Родиной, и Указом Президента Республики Абхазия в 2009 году Рауф Максимович Коруа был награжден орденом «Ахьдз-Апша» 2-й степени.

Память о высококвалифицированном юристе, патриоте Родины, порядочном человеке, прекрасном друге надолго останется в сердцах всех, кто работал, общался с ним.

С. БГАНБА Заслуженный юрист
Республики Абхазия
«Республика Абхазия» 15.12.2012 г.

ИХ НАДО ПОМНИТЬ

За время работы в качестве молодого специалиста судьба свела меня с такими талантливыми и способными юристами, как Голубев Юрий Леонидович, Галустян Виталий Алексеевич, Аршба Вахтанг Георгиевич, Джения Кондрат Давидович. К сожалению, личные дела трех первых — Голубева, Аршба и Галустяна не сохранились. Дела были потеряны в период войны.

К.Д. Джения родился 13 августа 1930 года, как он пишет, «в семье колхозника» села Лыхны Гудаутского района.

По окончании Лыхненской средней школы он в 1951 году поступил на юридический факультет Тбилисского госуниверситета. При выборе профессии на него повлиял образ жизни родного брата матери — Гриши Алшудба, который всю жизнь проработал в органах прокуратуры, в том числе прокурором Абхазской АССР, заместителем Прокурора Латвийской ССР.

Естественно, в воспитании К. Джения немалую роль сыграли его родители. Они были известны не только в районе, но и среди руководства республики. Руководители Абхазии, чтобы продемонстрировать гостям образ жизни абхазского крестьянина, к ним домой в Лыхны приводили самых дорогих гостей республики. Этой чести удостоился и Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Анастас Иванович Микоян.

Кондрат Джения мечтал попасть на работу в органы прокуратуры, но в тот период среди работников прокуратуры царило засилье лиц грузинской национальности. Вначале он был назначен старшим следователем Гудаутского районного отдела внутренних дел. Его мечта реа-

лизовалась в январе 1961 года, когда он был назначен на работу в прокуратуру Очамчирского района.

Более сорока лет он был на следственной работе, проработал почти во всех районах Абхазии, в том числе старшим следователем Прокуратуры Абхазской АССР.

К. Джения был известен как кристально честный человек: трудно было поверить, но даже если кто-то, даже самый близкий человек или коллега осмеливались его о чем-то попросить, по его мнению, недопустимом, они моментально получали отказ. Правильность и обоснованность принятых им решений никогда не вызывали сомнения у руководства.

Его трудолюбие и честность получили высокую оценку, в 1981 году Указом Президиума Верховного Совета Абхазской АССР он был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета, а в 1982 году, по ходатайству прокурора Грузии, ему было присвоено почетное звание: «Заслуженный юрист Грузинской ССР» и он был награжден медалью «За доблестный труд».

Кондрат Джения ушел из жизни 13 июня 2004 года. В тот момент он был старшим помощником Генерального Прокурора по оперативному учету и статистике. Общение с ним делало каждого честнее и порядочнее.

Биографии Голубева Ю.Л., Галустяна В.А. и Аршба В.Г. — богатые и объемные. Послужные списки их значительно шире. По памяти нельзя их восстановить. Но память о них останется навсегда.

Имя автора этих строк, Сергея Дугужевича Бганба, не нуждается в лишнем представлении. Абхазия знает его как истинного патриота, высочайшего класса юриста, стоявшего у истоков правовой системы молодого государства.

Сергей Дугужевич иногда выступает на страницах нашего издания воспоминаниями из своего богатейшего жизненного опыта. Эти небольшие сюжеты – свидетельства непростой истории страны. Они интересны и поучительны. За каждым из них – искреннее желание передать поколениям ощущения трудного опыта истории своего народа.

Замечательно также и то, что излагаются сюжеты максимально простым, построенным только на фактах, языком, что превращает их в ценный источник для будущих исследователей истории и быта Абхазии.

Моя мать, Бганба Ольга (Фардосия) Тлапковна, 1905 года рождения, была из фамилии Авидзба, села Эпера. Она родилась и выросла в богатой по тем временам семье. К 1921 году у ее родителей было более семидесяти голов крупного рогатого скота, табуны лошадей и всякая мелкая живность. В семье было десять душ детей: шесть родных братьев и сестер и еще четверо воспитывались. Они всегда считались родными.

Отец мой – Бганба Дугуж Тацкуагович был из семьи среднего достатка, дед по линии отца умер рано, и мать – Бейхан Бганба (Агрба) воспитывала одна его и двух дочерей. Отцу удалось в свое время получить в Батуме начальное духовное образование. Внешне отец был очень красив, был хорошим оратором. Его уважали все бзыпцы. Несмотря на молодость, он дружил с уважаемыми и солидными людьми. Одним из них был Нанба Ахмат, являвшийся родным братом моей бабушки по материнской линии. Ахмат очень полюбил Дугужа и познакомил свою племянницу (мою будущую мать) с моим будущим отцом. Мать не стала обращать внимания на то, что отец был из небогатой семьи. Брак состоялся по любви.

У них родились я, мой брат Гриша и сестра Лили. (Гришу потеряли рано, в возрасте полутора лет он умер от болезни).

Матери не нравилось, что отец соблюдал мусульманские обычаи и занимался религиозной деятельностью. Она попросила его оставить эти занятия. Ей хотелось, чтобы он вел обычный крестьянский образ жизни.

Отец был очень гордым человеком. В те времена женщина в Абхазии, по сложившейся традиции, не должна

была заниматься торговлей. Однажды отец, вернувшись из города, не застал дома свою супругу. Он спросил у своей матери, где она. Мать сказала, что та пошла на базар, чтобы продать пару индюшек и купить для дома мыло, спички и другие хозяйственные мелочи. (Центральный базар Гагрского района тогда был расположен в нашем селе.). Отец посчитал унижением для себя то, что жена пошла торговать, и он с обидой произнес: «Пусть у нее не будет иного выхода кроме как торговать, но не дай мне Бог быть тому свидетелем».

Так случилось, что всю свою дальнейшую жизнь она продавала фрукты, сыр, молоко, индюшек, кур, чтобы прокормить и обучить своих детей. Доходило до того, что ей приходилось обменивать на рынке молоко на керосин, везти керосин в соседние села и обменивать его на кукурузную муку. Жизнь тогда была очень тяжелой. Дело в том, что вскоре, в 1936 году, отца арестовали. На иждивении матери остались двое малышей и пожилая свекровь. Отца осудили на немалый срок и на последнем свидании в Драндской тюрьме он сказал моей матери, что если в течение года ему не удастся оправдаться и он не вернется, то она может с детьми уехать в отчий дом и жить с зажиточными братьями, которые в состоянии были содержать ее и нас, детей. Свекровь же должна была переехать к братьям в село Джирхва. Такую же просьбу отец передал шурина Арзаабею Тлапковичу Авидзба. По приговору, отца отправили отбывать наказание в Республику Коми.

Спустя полтора года в Бзыпи собрались самые близкие родственники моей матери (дяди и братья) с тем, чтобы исполнить просьбу моего отца. После ужина старшие пошли ложиться спать, в том числе Арзабей.

Младший же брат Отар не лег и вернулся в кухню. Мудрая мать поняла причину приезда родственников. Отару трудно было начать разговор. Мать обратилась к брату: «Знаю, по какому делу вы приехали. Знайте, я из этого дома никуда не уйду. Во-первых, мой муж был уважаемым человеком. Я не вправе унижить его достоинство. Во-вторых, моей свекрови далеко за семьдесят лет. Она понимает, что ее сын может не вернуться. Я не вправе отобрать у нее внука, внучку и обречь ее на тяжелую жизнь. В-третьих, да, вы, мои братья, имсете возможность воспитать моих детей. Поэтому мой муж и попросил сделать это. Но этого допустить нельзя. Как бы вы их хорошо не воспитали, в народе будут говорить, что это не дети Дугужа, а воспитанники Авидзбовцев. В конце концов, мои дети еще не сироты, у них есть прекрасная мудрая бабушка и я».

Отар вернулся к ожидавшим его в другом помещении родным и передал твердое мнение матери. После этого Отар вернулся к сестре и сказал, чтобы к утру мать пригласила в дом к столу уважаемых друзей ее мужа из соседских родов Гыцба, Хагуш, Габлия и его братьев. Все собрались в назначенное время. Им рассказали о просьбе отца и решении моей матери. В конце Авидзбовцы сказали, что своей сестре и ее семье они будут помогать материально. Но за честь их сестры отвечать должны не только они, но и друзья отца. Отец умер в тюрьме в 1938 году. Всю дальнейшую жизнь его семью опекали не только родственники — братья Бганбовцы и Авидзбовцы, но и вся деревня. Мать, в свою очередь, никогда не оставалась в долгу и всегда помогала им в нужную минуту. Она всю свою жизнь оставалась преданной памяти отца и посвятила свою жизнь нам. Известная своим острым умом и

мудростью, она не умела ни читать, ни писать, а нам, сестре и мне, помогла получить высшее образование. Мы всегда гордились ею. Гордимся и сегодня. До сих пор мы у нее в долгу.

Сергей Бганба
«Новый день» 27.06.2011 г.

НАРОД ЗНАЕТ КАК СЕБЯ ВЕСТИ

Абхазский народ в самых сложных ситуациях в целях защиты своих интересов созывал сходы, на которых обсуждались судьбоносные вопросы. В семидесятых — восьмидесятых годах прошлого века наш народ вынужден был неоднократно собираться на такие сходы. Инициатором этих сходов были и выходцы из Бзыбской Абхазии. Одним из инициаторов и активных участников подобного схода в противостоянии с обострением шовинизма со стороны Грузии был Лев Борисович Гицба.

В 1978 году руководство Грузии для того, чтобы спровоцировать народ, сфабриковало материалы, и Л.Б. Гицба был арестован. Опасаясь развития и обострения событий в нежелательном направлении, Первый секретарь Абхазского обкома партии Б. Адлейба пригласил меня, — в то время заместителя Прокурора Абхазской АССР. Борис Викторович всегда был мудрым человеком. Его просьбы и советы были для нас законом. Он дал мне неофициальное поручение: поехать в Гагру и постараться убедить народ в том, что в сложившейся ситуации людям надо быть предельно осторожными, и лучше будет разойтись, а судьбой Л. Гицба будет заниматься он лично. Естественно, при встречах с людьми, я никогда на него не ссылался, зная, что ЦК КП Грузии в этом вопросе ему не очень доверяет.

По пути в Гагру по указанию Прокурора республики В.В. Вардая я зашел к Председателю КГБ Абхазии Комошвили, который в тот момент находился в Гагрском подразделении КГБ. При встрече он мне сказал, что надо принять меры к тому, чтобы собравшиеся разошлись во избежание арестов. Дальнейшее его поведение показало,

что это было неискренне. Уходя к Первому секретарю Гагрского горкома партии Э.Э. Капба, у здания которого собрался народ, я небрежно толкнул дверь, обитую дерматином, и пошел. Пройдя метров пять, я вдруг вспомнил, что надо было что-то уточнить еще и стал возвращаться. Подошел к полузакрытой двери, неожиданно до меня донесся циничный смех Комошвили и других. Я невольно услышал содержание разговора, который сводился к тому, что сегодня надо спровоцировать народ и применить оружие. Безусловно, я не зашел в кабинет.

Я пошел в горком партии и попросил Энвера Эрастовича вместе со мной выйти к собравшимся людям, зная, что он пользовался большим авторитетом. На сходе я выступил с коротким сообщением, где сказал, что ЦК КПСС принимает все меры для положительного разрешения экономических и политических проблем абхазов, но после принятия соответствующего решения по Абхазии повторные сходы воспринимаются отрицательно.

В отношении моего близкого родственника Л.Б. Гицба я, зная, что Б. Адлейба сделает все возможное, сказал, что соответствующие органы разберутся и надо рассчитывать на положительный исход.

Один из «несдержанных» участников, возможно и специально подготовленный провокатор, грубо выругался и призвал людей ворваться в здание горкома. Люди зашумели. Ни Энвер Эрастович, ни я не сдвинулись с места. В итоге разум победил, и никто не последовал провокационному призыву. Люди остались на месте.

Э. Капба и я поднялись в его кабинет, и он доложил по телефону Б. Адлейба о ситуации. Я не стал подставлять Энвера Эрастовича и говорить ему о невольно, но, к счастью, услышанному разговору председателя КГБ Ко-

мошвили с другими сотрудниками. В то же время я принял для себя решение, что необходимо поставить лидеров национально-освободительного движения в курс о готовящейся провокации. Но при этом нельзя было себя выдавать. Такое тяжелое было время. Среди собравшихся я увидел весьма уважаемого своего соседа по селу Бзыбь Жору Кетия, подошел к нему и попросил провести до машины, сославшись на боли в сердце. Когда мы отошли на безопасное расстояние, я попросил его о том, чтобы лица, тайно имеющие огнестрельное или холодное оружие, незаметно ушли. Я также предупредил его, что если ночью введут вооруженные войска, то им надо сказать, что намерений противостояния советской власти у людей не было и нет, люди добиваются своих прав, и если не разрешается сход, то они мирно разойдутся. В три часа ночи они так и поступили.

На следующий день один из ответственных работников административных органов сказал мне о том, что люди вчера разошлись, как «бараны». Я сказал: «Наш народ мудрый и знает, как себя вести».

Л. Гицба, как одного из активных организаторов, еще долго продержали в тбилисской тюрьме КГБ Грузии. Он был мужественным человеком, и, несмотря на все лишения, никого не выдал, и Грузия была вынуждена отпустить его из зала суда.

Никогда нельзя забывать о тех страданиях, которые вынес наш народ из-за шовинистической политики Грузии.

Сергей Бганба

Заслуженный юрист Республики Абхазия

«Новый день» 25.09.2009 г.

РАССЧИТЫВАЙ НА СВОЙ УМ...

Людам известно, что природа является бесценным общечеловеческим благом, естественной основой развития общества и благосостояния человека. Гармония человека с природой, как показывают история и жизнь, особенно ярко проявляется в сельской местности, в деревне.

Медициной доказано, что именно благодаря такой гармонии, наиболее одаренные и талантливые люди чаще выходят из сельской местности. Возможно, это связано с тем, что объем легких сельского жителя гораздо больше, чем у горожанина, следовательно, в мозг поступает больше кислорода. От этого и голова, конечно, работает лучше.

Благодаря такой гармонии, среди выходцев из наших деревень мы знаем немало известных и почитаемых личностей, вошедших в историю нашей страны. Их имена известны.

Деревня давала природных мудрецов, острота ума которых всегда поражала своею глубиной, отточенностью и четкостью мысли.

В связи с этим я всегда с теплотой вспоминаю рану ушедшего из жизни Шамиля Хагба, - ачандарца, известного многим людям моего поколения. Считаю уместным привести один из эпизодов встречи с ним. В 1983 году мне довелось быть приглашенным на скачки в село Ачандара.

В тот день на скачках были и японские гости — ученые-этнографы, журналисты. Впервые был организован прямой телемост на Японию из СССР. Японцы были очень заинтересованы в изучении уникального быта, образа жизни и традиций нашего народа. Как водится, после окончания скачек всю делегацию пригласили за стол в одну из семей этого села. Естественно, как это было положено, во главе

стола сидели ответственные работники автономной республики. Тамадой был крестьянин Шамиль Хагба. Он пользовался колоссальным авторитетом, как в районе, так и за его пределами, как порядочный и мудрый человек. Перед началом застольного ритуала Шамиль решил посоветоваться с присутствующими представителями партийно-советского руководства — можно ли их представить гостям в соответствии с занимаемыми должностями? С этим вопросом он обратился к одному из них. Тот, слегка подзабыв, с кем имеет дело, в соответствующем духе ответил: «Мы, мол, скажем тебе, что и как говорить».

Шамиль мгновенно отреагировал: «Рассчитывая на ваш ум, я бы сюда не пришел»!

Давший ценный «совет» понял, что чуть-чуть ошибся и улыбнулся. Ясное дело, от этого застолья все получили колоссальное удовольствие. По традиции, в финале встречи тост был поднят в честь Шамиля.

Слово попросил советский переводчик японцев, разумеется, представлявший одновременно соответствующие спецслужбы. Поблагодарив тамаду за проведенный стол, он сказал следующее: «Мне приходится часто выполнять обязанности переводчика. Нередко вынужден мучительно думать, как правильно преподнести кем-то глупо сказанное слово. А сегодня я был удивлен остротой вашего ума и совершенно не напрягался с адекватным переводом. Я отдыхал. Мне просто нужно было прямо донести до гостей сказанные вами глубокие мысли. Еще раз искренне благодарю вас».

В народе до сих пор помнят этого крестьянского мудреца.

Сергей Бганба

«Новый день» 04.06.2010 г.

УРОКИ ЖИЗНИ

Сидя со старшими за ритуальной чашкой сухумского кофе, часто можно услышать немало интересного и поучительного. Многие из услышанного становятся предметом размышления, другое – уроком жизни. Вот одна из историй, рассказанная за столом одним из абхазских старейшин, Заслуженным юристом Республики Абхазия Сергеем Дугужевичем Бганба, которую с его слов записал Сергей Арутюнов.

ВСЕМУ ЕСТЬ РЕШЕНИЕ

Дело было так. Спустя несколько лет после войны представители Организации Объединенных Наций проводили в городе Сочи, как на нейтральной территории,

встречу представителей Совета старейшин Абхазии с грузинами – выходцами из Абхазии. Нашу группу возглавлял Председатель Совета старейшин Абхазии П.Х. Адзинба. В состав входили такие уважаемые люди, как Борис Гургулия, Юрий Аргун и другие. Разговор шел о возможностях примирения сторон. По сценарию встречи, разработанному сотрудниками ООН, в последний день было предусмотрено застолье – нас всех пригласили в один из сочинских ресторанов. Тамада (из представителей ООН) неожиданно для меня назначил меня своим заместителем. Из присутствовавших спиртного никто почти не пил, но тосты произносились и бокалы поднимались.

Очередной тост был поднят за делегацию Абхазии. Представители Грузии старались тепло говорить о нас, хотя явно чувствовалось, что это шло не от души. Я понял, что следующий тост будет за грузин – участников застолья.

После гибели стольких наших детей, гибели моего сына мне совершенно не хотелось поднимать за их здравие, хотя правила застольного этикета этого требовали. Но мне лукавить не хотелось.

Тут я вспомнил одно интересное уголовное дело из судебно-следственной практики Абхазии, которое помогло мне справиться с непростой ситуацией.

Подняв тост за грузинскую делегацию, тамада перешел ко мне. Взяв в руки бокал, я сказал им следующее:

— Вы нам говорили, что вы люди умные, красивые, образованные. Но среди вас не оказалось ни одного человека на уровне простого абхазского старца. После этого я рассказал им историю, связанную со сложнейшим эпизодом абхазской жизни, связанным с убийством.

Во время одного из застолий, — рассказывал им я, — неожиданно для всех один из участников стола затеял ссору со студентом, который вел себя за столом скромно и достойно. Хулиган беспричинно совершил за столом убийство студента. Когда убийца выскочил из-за стола и стал уходить, его догнал двоюродный брат убитого и на месте отомстил за брата.

Об убийствах тут же было сообщено родителям и родственникам. Отец хулигана-преступника поинтересовался причинами убийства его сына. Узнав правду, он сказал:

— Я знаю своего сына. Его тело заносить в дом не позволю, и оплакивать его не разрешу. Когда тело сына доставили, закрыл ворота и не выпустил.

Собрались руководители села, старейшины и родственники, стали уговаривать отца. Тот не подчинился, и сказал:

— Хороните в любом овраге.

О его поступке стало известно отцу убитого студента. Он промолвил:

— Господи, что он со мной сделал? Отвезите меня к нему.

Прибыв, он открыл ворота и предложил неоплакиваемое тело убийцы все же внести в дом. Тело занесли по его просьбе. Он первым подошел к нему и по-абхазски оплакал его. Присутствующие были в растерянности от его поведения. По его же просьбе они продолжили оплакивание. После завершения тяжелого для него ритуала, он сказал во всеуслышание, обращаясь к отцу убийцы его сына:

— Я знал, что ты умный человек. Но сегодня ты проявил и мудрость, и человечность к моему горю. Я официально заявляю, что мой род враждовать с вашим родом не будет.

На это отец другого сына сказал следующее:

— Проявленное великодушие мой род не забудет никогда. Наш род всегда будет относиться к вашему с величайшим уважением.

Закончив эту историю, я сказал присутствующим за столом, что так простой старец сумел помирить два рода. А среди вас, грузин, не нашелся хотя бы один человек, который смог бы подняться до уровня простого абхазского крестьянина и своим мудрым словом или поступком предотвратить кровопролитие.

— Поэтому, будем надеяться, — подошел я к завершению, — что в будущем у вас появится более мудрое поколение.

Так мне удалось выйти из более чем неловкого положения.

«Новый день» 08.05.2008 г.

И такое бывало

ПРОВОКАЦИЯ ВЗЯТКИ

(из жизни прокурора)

В семидесятом году прошлого века я был переведен прокурором следственного отдела центрального аппарата с должности старшего следователя Прокуратуры Абхазии. На меня был возложен надзор за следствием и дознанием аппарата МВД республики.

Однажды из ОБХСС (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности — Ред.) этого министерства меня пригласили для участия в допросе заведующего вендиспансером Гульрипшского района. Заведующий — некто Н.Н., подозревался в получении взятки.

По приходу меня представили подозреваемому. Уважительно обращаясь ко мне, он сказал: — Я человеку кроме добра ничего не сделал. Если вы установите, почему он заявил в МВД о передаче мне ста рублей, вы убедитесь, что я не виновен. Также он добавил: — Семнадцать лет детей не имел, и вот у меня родилась дочь, уже называет меня папой. Кто дал право лишать меня этого человеческого счастья?

Честно говоря, от этих его слов я расстроился.

В процессе допроса Н.Н. заявил: — Ко мне пришел посетитель и испуганно сообщил, что имел случайную связь на стороне и хотел бы провериться, не заболел ли вдруг чем-нибудь. Я произвел анализы, по их результатам он был здоров. Пациент настоятельно попросил все-таки провести профилактические процедуры, на всякий случай. Я хотел поручить это своим специалистам. Он возразил и сказал, что он человек семейный и не хотел

бы возможной огласки. В течение десяти дней он прошел лично у меня требуемый курс. Анализы вновь подтвердили: — чист.

После этого пациент сказал: — Огромное спасибо! — и положил мне в карман деньги в знак благодарности,

Как только он вышел, в помещение ворвались сотрудники милиции, и я был задержан. Деньги оказались обработаны красящим веществом, мечеными. После допроса так называемого «взяткодателя» я завершил свое участие в следственных действиях и сразу же обратился к Первому заместителю министра внутренних дел К. Сичинава, которому рассказал о своих сомнениях в правильности проведенной им операции по разоблачению взяточника.

Он возразил: — Что вы такое говорите! Матерого взяточника задержали!

Сегодня даже студент-правовед знает, что деньги, данные врачу добровольно в знак благодарности за оказанную квалифицированную и своевременную помощь, не считаются взяткой. Разумеется, кроме случаев вымогательства со стороны медиков.

В те времена этот факт был первым прецедентом в нашей следственной практике. Я не сомневался в своей правоте, но решил найти подобный факт в судебной практике, для чего направился в прокуратуру.

В постановлениях пленума Верховного Суда СССР за прошедшие десять лет я не нашел описания подобного случая. Тогда решил просмотреть постановления пленума Верховного Суда РСФСР. Наконец, нашел анализ подобной ситуации в Сахалинской области. Там заведующая отделением больницы была осуждена и приговорена к лишению свободы. Она дошла до Верховного Суда и была оправдана. В этом постановлении было указано, что

деньги ею получены не за служебные действия, а за оказание медицинской помощи. Причем, не в результате вымогательства, а как знак благодарности.

Я был рад такой находке в подшивке, это была удача.

Утром на работу я пришел с опозданием. У входа в приемную Прокурора Республики уже ожидали работники милиции с постановлением на арест подозреваемого. Прокурор Республики Меджит Мустафович Аргун был в кабинете и ждал моего доклада и мнения. Я показал ему постановление пленума ВС РСФСР. Он был поражен. Позвонил Председателю Верховного Суда Абхазии и попросил собрать всех членов Верховного Суда. Как только пришли судьи, я доложил дело, но о постановлении ничего не сказал. Одни посчитали, что это взятка, другие квалифицировали как корыстное злоупотребление. М. Аргун попросил меня прочесть вслух текст постановления пленума. Все вмиг изменили свое мнение, и стали утверждать, что состава преступления нет. Сразу же за подписью Прокурора республики было дано указание МВД — немедленно освободить задержанного в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Доводы прокуратуры были изложены на трех листах.

Тогда министр внутренних дел Абхазии позвонил министру внутренних дел Грузии Шеварднадзе и доложил о якобы неправомерных действиях местной прокуратуры. Тот в свою очередь связался с прокурором Грузии А. Такидзе. Последний ознакомился с делом, посмотрел на указания прокурора Абхазии, и, не поняв, кто прав, МВД или прокуратора, дал устную команду разобраться на месте. Министр внутренних дел Абхазии связался по телефону с М. Аргун и сказал:

— Что же натворил твой Бганба, дал возможность взяточнику уйти от ответственности.

Зная, что я прав, направил материалы уголовного дела в Прокуратуру СССР. При этом попросил дать разъяснение правомерности наших действий. Ответ из Москвы пришел незамедлительно. В разъяснении было указано, цитирую: «Ваши действия являются правильными, факт взятки не имеет места, вымогательство не доказано». Дело было прекращено и сдано в архив прокуратуры.

Вскоре в Грузии власть изменилась. Шеварднадзе стал первым секретарем компартии Грузии, его заместитель Ковальчук, стал министром внутренних дел Абхазии. Однажды, выступая на партийном активе в Гульришпе, он заявил: «В результате прокурорских выкрутасов ярый взяточник, заведующий вендиспансером Гульришпского района, ушел от ответственности». Сразу же второй секретарь Абхазобкома А. Сакварелидзе дал указание вынести на бюро «правомерность» действий прокуратуры. Но этого они сделать не сумели, увидев разъяснения Генеральной Прокуратуры СССР.

Считаю, что в какой бы ситуации не оказался прокурор, с какой стороны не пытались бы оказать на него воздействие, он обязан до конца подчиняться закону, прислушиваться к голосу своей совести и защищать интересы невиновных лиц.

P.S. Как выяснилось впоследствии, взятка была спровоцирована МВД для того, чтобы освободить человека от должности и отчитаться перед «верхами» в «борьбе с коррупцией».

Сергей Бганба,
Заслуженный юрист Республики Абхазия
«Новый день» 28.06.2013 г.

КО ДНЮ ОСНОВАНИЯ ГЕНПРОКУРАТУРЫ РА

ВОСПОМИНАНИЯ

В мае 1922 года была создана Прокуратура Союза ССР. Ее полномочия были намного шире, чем нынешней прокуратуры. На нее возлагалось обеспечение высшего надзора за точным и единообразным исполнением законов на всей территории СССР.

После Великой Отечественной войны в органы прокуратуры пришли специалисты, прошедшие войну. Безупречное выполнение ими служебных обязанностей, честное, чуткое и внимательное отношение к людям, еще больше повысили авторитет органов прокуратуры. Особенно с 1958 года — после принятия «Основ уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик» и строгого соблюдения законности. Работа в органах прокуратуры стала престижной. И это обстоятельство определило мою судьбу.

Перед окончанием Саратовского юридического института я направил письмо на имя Первого секретаря Абхазского обкома партии Бгажба М.Т., в котором просил его ходатайствовать перед Генеральным Прокурором ССР о направлении меня на работу в органы прокуратуры Абхазии.

Благодаря стараниям заведующего отдела административных и торговых органов Абхазского обкома партии Кецба Т.М. и Прокурора Республики Лакоба Ш.Н., в мае 1961 года я получил направление в Абхазию. Их доброе отношение к моей судьбе осталось в моей памяти.

Поступив на работу следователем Прокуратуры города Сухум, я был потрясен тем, что в органах прокуратуры работало всего 10 специалистов абхазской национальности, в том числе: Лакоба Ш.Н., Черкезия Л.Ф., Аршба Ш.К., Ахиба М.П., Бигвава А.М., Папаскири Н., Гумба И.М., Вардая В.В., Чолокуа Ш.Б. и Джения К.Д.

Во всех областях и краях, а также автономных республиках РСФСР следователей, помощников прокуроров и прокуроров районов назначали руководители этих областей, в то время как Прокурор Абхазии не имел права назначать кого-либо на должность без приказа прокурора Грузии. Это делалось сознательно, чтобы не допустить лиц абхазской национальности в органы прокуратуры, обладающей высшим надзором.

В моем становлении огромную роль сыграли Лакоба Ш.Н., Аргун М.М., проработавший после Лакоба Ш.Н. Прокурором республики 15 лет, а также лица, с которыми я общался по работе: Аршба Ш.К., Гумба И.М., Стилиди С.И., Аршба В.Н. и другие. Но специалистом по следствию меня подготовил бывший заместитель прокурора Абхазии Квачахия Н.М., проработавший на этой должности до 1974 года и отличавшийся от оголтелых националистов своей высокой порядочностью и уважением к нашему народу.

В июне 1983 года, попав в немилость, я был переведен с должности заместителя Прокурора республики — начальника следственного отдела на должность Сухумского транспортного прокурора и в этой должности застал войну.

Услышав обращение к народу Абхазии Председателя Верховного Совета Республики Абхазия Ардзинба В.Г., 14 августа 1992 года, я пришел в Прокуратуру республики,

но оказалось, что руководство прокуратуры, эвакуировалось в Гудауту вместе с Правительством Республики Абхазия. Вместе с тем, у здания Прокуратуры республики собрались работники абхазской национальности. Среди них был помощник прокурора республики Читанава А.К., который, подойдя ко мне, сказал: «Я для себя определился, иду защищать Отечество!». Вскоре мы все разошлись. Придя домой, я узнал, что и мои сыновья ушли на передовую, каковой стал Красный мост. При первой же возможности я выехал в Гудауту и явился к прокурору Гудаутского района Абгаджава Л.Р., которому сказал, что готов выполнять любое его поручение. В тот период шел допрос беженцев о варварских действиях грузинских войск на оккупированной территории.

В декабре 1992 года по предложению Прокурора республики Джергения А.М., я был назначен заместителем Прокурора Абхазской Республики. Вскоре постановлением Президиума Верховного Совета на меня было возложено исполнение обязанностей Прокурора республики в связи с длительной командировкой Джергения А.М. по поручению Ардзинба В.Г.

С этого времени по мере возможности я стал укреплять прокуратуру кадрами из-за ее неукomплектованности. Ряд следователей органов ВД были переведены в Прокуратуру моим приказом. После освобождения г. Гагра от оккупантов Прокурором республики Джергения А.М. были назначены Прокурором Гагрского района опытный специалист Хагба Б.Б., Прокурором Очамчирского района и г. Ткуарчал Р. Тарба и Военным Прокурором В.Э. Начачоглы.

Число беженцев все время увеличивалось. Необходимо было возбуждать уголовные дела и расследовать факты

убийства пленных, мирных жителей, грабежей, разбоев и других преступлений против нашего народа, имевших место на оккупированной территории.

Как было установлено, войска Госсвета Грузии убивали не только лиц абхазской национальности, но и русских, армян, греков и др., не перешедших на их сторону.

В целях дальнейшего укомплектования органов прокуратуры, я выступил несколько раз по телевидению с обращениями, в которых просил лиц, имеющих юридическое образование, прибыть на работу в органы прокуратуры. Но таких лиц оказалось мало, ибо большинство из них ушли на фронт. В моей памяти остался приход в прокуратуру известного воина армянской национальности Рштуни С.Р. Беседа с ним показала, что он имеет прекрасное воспитание и профессиональное образование. Я предложил ему выйти на работу на следующий день. На что он возразил, заявив, что на днях их подразделение должно принять участие в наступлении и освобождении города Сухум, после чего он готов прийти на работу. Мои уговоры оказались напрасными. К моему глубокому сожалению, в этом наступлении он героически погиб.

После мартовского наступления сотрудники прокуратуры Читанава Артур, Таркил Беслан, Тания Нури и др. написали заявления с просьбой отправить их на фронт, но руководство штаба Министерства обороны отказало в их просьбе, зная, что кадров в органах прокуратуры недостаточно.

В Гудауте днем и ночью трудились Л. Абгаджава, А. Читанава, Ю. Арчелия, Р. Авидзба, В. Гогуа, Х. Дашелия, В. Таркил, И. Тания, А. Бигвава, А. Цушба, Л. Матуа и др.

В Гагре под руководством прокурора Б. Хагба работали остальные наши оперативные работники.

В июле 1993 года, во время перемирия, Верховный Главнокомандующий Ардзинба В.Г. дал указание создать группу работников прокуратуры, которые вместе с работниками органов ВД должны выехать в г. Сухум для обеспечения правопорядка. По желанию, в списки были включены 22 человека. Однако, через несколько дней Ардзинба В.Г. вызвал меня и сообщил, что руководство Грузии препятствует нашему возвращению в Сухум, уверенно добавив: «Пока поездка откладывается, но скоро мы освободим Абхазию от оккупантов. Будь уверен – они побегут!». Он всегда был уверен в победе нашего народа.

Несмотря на запрет, помощник Прокурора республики Читанава А. при каждом наступлении принимал участие в военных действиях и за три до взятия г. Сухум героически погиб.

Работники прокуратуры вернулись, в г. Сухум на работу к 30 сентября 1993 года и с этого дня приступили к исполнению своих обязанностей.

С первых же дней освобождения республики встала задача доукомплектовать органы прокуратуры. Во всех районах были назначены прокуроры. Из-за нехватки специалистов в качестве стажеров, а затем следователей, стали принимать на работу даже не имевших полного юридического образования, обучавшихся заочно в АГУ. Кроме того, мною были взяты на работу не скомпрометировавшие себя специалисты ранее работавшие в органах прокуратуры, но находившиеся на оккупированной территории: К. Джения, Е. Гончарова, С. Гогияшвили, Л. Багатурия, Ш. Баркалая и др.

В течение нескольких лет работники прокуратуры не получали зарплату, но им выдавали бесплатно хлеб, с учетом состава семьи.

Неоценимую материальную поддержку прокуратуре оказал бывший сотрудник нашей прокуратуры Стилиди С.И. Он в Москве напечатал необходимые процессуальные бланки, заплатив за них 10 тысяч долларов, которыми мы пользовались более пяти лет, прислал одну машину обуви для ткварчельцев и других нуждающихся граждан, в том числе и для прокуратуры Абхазии на общую сумму 300 млн. руб. Кроме этого, он несколько лет выплачивал зарплату сотрудникам центрального аппарата из своих средств, а также неоднократно оказывал республике существенную материальную помощь.

В период войны и в первые поствоенные годы, в тяжелых условиях, несмотря на сложную оперативную обстановку в республике, работники прокуратуры честно и добросовестно выполняли свой долг.

Я благодарен каждому из них за то, что они в то тяжелое время стояли рядом со мной.

Заслуженный юрист Республики Абхазии
С.Д. БГАНБА
20 марта 2009 г.

г. Сухум, ул. Гулия, 38

Дорогие работники органов прокуратуры Абхазии!

Поздравляю Вас с большим праздником – Днем Прокуратуры Республики Абхазии.

В этот славный праздничный день невольно хочется вспомнить и о тех великих юристах, блестящих профессионалах, в числе которых особенно ярко выделялись и были примером и достойными учителями для многих поколений юристов Абхазии – это Аргун Меджит Мустафович, Квачахия Николай Михайлович, Бганба Сергей Дугужевич, Хиониди Илья Федорович, Вардая Виктор Викторович, Гвасалия Шалва Константинович, Голубев Юрий Леонидович, Аршба Шалва Кискинджевич, Аршба Вахтанг Нуриевич, Черкезия Лев Дорофеевич, Галустян Виталий Алексеевич, Цулая Чичико Джотович, Колбая Георгий Николаевич, Гончаренко Евгения Ивановна, Коруа Рауф Максимович и многие другие, которые, несомненно, внесли огромный вклад в деятельность органов прокуратуры Абхазии по борьбе с преступностью и защите прав граждан Абхазии, по наведению должного правопорядка в республике.

Огромная работа, проводимая сотрудниками Прокуратуры Республики Абхазия, неоднократно поощрялась Прокуратурой СССР и отмечалась, как лучшие образцы работы.

Желаю Вам, дорогие коллеги, крепкого здоровья, благополучия, счастья в жизни и больших успехов в тяжелой повседневной работе по наведению правопорядка в нашей республике.

Нет сомнения в том, что нынешнее поколение работников Прокуратуры Абхазии поднимет её деятельность ещё на более высокий уровень.

Вместе с Вами и всеми правоохранительными органами республики рад этому замечательному празднику.

С глубоким уважением,

Сократ Иванович Стилиди
г. Москва 13.04.2009 г.

О Сократе Ивановиче

От имени работников Прокуратуры Республики Абхазия и многочисленных друзей сердечно поздравляем и самого Сократа Ивановича Стилиди с праздником Прокуратуры Республики Абхазии.

Его трудовая деятельность в Прокуратуре Абхазии была такой же профессиональной и блестящей, как и у тех, которых он упомянул в поздравительном послании своим коллегам, поэтому перечень звездных имен не был бы полным, если бы мы не поздравили Сократа Ивановича.

В эти праздничные дни будет, кстати, напомнить и поблагодарить его за то, что в годы тяжелейших испытаний для нашего народа именно Сократ Иванович оказывал своим коллегам – прокурорским работникам материальную и иную помощь, в частности, в каждый свой приезд на Родину передавал денежные средства для выдачи зарплаты всем работникам прокуратуры.

Кроме того, за свои средства приобретал и направлял к нам в Прокуратуру республики очень большое количество процессуальных бланков, которые все работники прокуратуры использовали в своей работе около пяти лет.

В этом же контексте нельзя не упомянуть ту огромную гуманитарную помощь всей Республике Абхазия, которую Сократ Иванович систематически оказывал на протяжении 1993 – 2000 гг.

Сергей Бганба

Служение правосудию – дело его жизни

К 75-летию юбилею заслуженного юриста РА

С. Стилиди

Сократ Иванович Стилиди родился 6 июня 1938 года в г. Сухуме, в простой рабочей семье. Не одно поколение его предков жило в Абхазии. Отец, Иван Аристидович, строго соблюдая обычаи греческого народа, так же глубоко уважал традиции абхазов, с которыми тесно общался и стремился все это привить своим детям. Мать, Матрена Ставровна Караманова, была наделена природной мудростью, и ее сын Сократ не только внешне был очень похож на мать, но и унаследовал ее лучшие черты, в том числе доброту и ясность ума. Матрена Ставровна рано ушла из жизни. Оставшись без матери, восьмилетний Сократ и две его сестры воспитывались отцом, который так всю

III. Баркалая. В ответ Ковальчуку было сказано, что это он нарушает закон и его место в тюрьме. Тут же уголовное дело было изъято из производства в Абхазии и передано в Тбилиси. Г. Ашхаруа был незаконно осужден.

Верный принципам закона, С. Стилиди не боялся руководства прокуратуры Грузии. О его деловых качествах хорошо знали начальник следственного Управления Прокуратуры СССР С. Тюрин, его заместитель Ю. Баулин, прокуроры управления. Они его выделяли как сильного следственного работника. Среди весьма сложных дел, которые он вел, оказалось дело, касающееся тестя будущего Прокурора Грузии А. Барабадзе. В Прокуратуре Грузии и административном отделе ЦК КП Грузии на него попытались оказать давление и предложили дело прекратить. Но Стилиди отказался, а дать письменное указание о его прекращении они не осмелились. Таких сложных дел было немало, и все они решались в соответствии с законом.

Его отличали трудолюбие, глубокий профессионализм и умение разбираться в людях. Впоследствии, будучи старшим прокурором отдела по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах, он уделял большое внимание поддержанию государственного обвинения в Верховном Суде. Его судебные речи отличались убедительностью и глубиной юридического анализа.

С началом Отечественной войны 1992 – 1993 гг. ему пришлось уехать из Сухума, поскольку грузинские вояки обстреляли его жилье и пытались убить его. В Москве друзья ему помогли устроиться заместителем председателя управляющего одного из банков. Впоследствии он начал заниматься бизнесом.

При первой возможности Сократ Иванович стал помогать воюющей, а затем послевоенной Абхазии: доставил

сюда большую гуманитарную партию одежды и обуви, приобрел автомобили для Администрации Сухума, прокуратуры Гудаутского района. В течение нескольких лет при его финансовой поддержке выплачивалась зарплата сотрудникам аппарата Прокуратуры Абхазии, он организовал печатание бланков процессуальных документов для всех органов прокуратуры, выделял денежные средства на приобретение рентгенкабинета и медикаментов для министерства здравоохранения. Это лишь малая частица того, что он сделал для Абхазии.

При этом он никогда не забывал о проживающих в Абхазии греках – помог создать общество «Ирини», выкупил и отремонтировал для них здание офиса, оказывал материальную помощь нуждающимся грекам.

В жизни Сократа колоссальную роль сыграл его тесть – Филипп Харлампович Клокиди, работавший всю свою жизнь в Ткварчальском шахтоуправлении, он ушел на пенсию с должности заместителя начальника управления.

Сократ и его супруга Ольга Филипповна воспитали прекрасного сына - представителя Абхазии и греческого народа - Ивана Сократовича Стилиди. Доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии медицинских наук, заведующий отделением Российского онкологического научного центра имени Блохина, он всегда и во всем оказывает большую помощь землякам из Абхазии.

Заслуги Сократа Ивановича перед Абхазией отмечены присвоением в 1978 году звания Заслуженного юриста республики.

В 2008 году Указом Президента РА он награжден орденом «Ахьдз-Апша» третьей степени.

Сократ Стилиди настолько любит Абхазию и ее народ, что, несмотря на отличные условия проживания в Москве, решил вернуться на Родину. Все его друзья рады и благодарны ему за это.

Поздравляем Сократа Ивановича от всей души со славным юбилеем и желаем долгих лет жизни, здоровья, благополучия и дальнейших успехов в его благородных начинаниях и в личной жизни.

Сергей Бганба,
Заслуженный юрист РА

Так было при СССР

ДОСТУЧАТЬСЯ ДО ПРАВДЫ

С момента принятия с 1958 года «Закона об основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» практически везде стали строго соблюдаться нормы Конституции. Его принятие вызвало и усиление прокурорского надзора за следствием и дознанием. После репрессий 1936 – 1949 годов в свои права реально вступили законность и справедливость. Лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, строго наказывались. Но, в то же время, к случайно оступившимся людям закон был милосерден. Об этом свидетельствуют некоторые случаи из моей практики.

ДВЕСТИ ПЯТЬ НАРЦИССОВ

За мои сорок четыре года работы в органах прокуратуры в производстве находилось немало дел, где было просто необходимо проявлять гуманность и человечность. Вообще уголовный закон построен на основании следующих принципов: законности принимаемого решения, виновности лица, совершившего преступление, обеспечения равенства перед законом всех граждан и строгого соблюдения принципов гуманизма. Приведу несколько примеров:

После назначения меня в 1972 году начальником следственного отдела Прокуратуры Абхазии, накануне праздников, посвященных пятидесятилетию Советской власти, ко мне пришла завуч одной из школ города Сухум, и привела с собой трех малолетних детей, учеников это-

го учебного заведения. Она объяснила мне, что их мать арестована на основании санкции прокурора одного из районов Москвы, мужа не имеет, дети остаются без присмотра. Конечно, я мог завучу сказать, что данный вопрос не в моей компетенции и ей следует обращаться в соответствующую Московскую прокуратуру. Но это было бы формальным ответом и бездушием. Для меня ясно было, что завуч по этому делу не поедет в Москву. Я решил позвонить начальнику тюрьмы и выяснить, за что арестована мать троих детей и кто дал на нее санкцию. Выяснилось, что ее привлекли к уголовной ответственности за спекуляцию нарциссами в количестве 205 штук. После совершения первоначальных следственных действий ее отпустили под подписку и обязали по первому вызову приехать к следователю.

Она это не выполнила и по вызову не явилась. Следственные органы мерой пресечения избрали арест и переслали постановление в МВД Абхазской АССР.

Она была арестована и водворена в тюрьму для дальнейшего этапирования в Москву.

Я был молод и думал, что «все мне подвластно», и принял решение, минуя прокурора, давшего санкцию, позвонить непосредственно Прокурору города Москвы. Все юридические основания для ее освобождения имелись.

Согласно закону того времени, прокурор имел право с учетом личности прекратить уголовное дело, если преступник не представлял собой общественной опасности. На нее эта норма закона распространялась — она ранее не привлекалась к уголовной ответственности, и совершила преступление небольшой тяжести.

Значимость и масштаб Прокурора Москвы я тогда еще полностью не понимал. Он оказался членом ЦК КПСС

и депутатом Верховного Совета СССР, членом коллегии Прокуратуры СССР. Я позвонил по его номеру, трубку подняла секретарь. К счастью, прокурор оказался на месте. Секретарь доложила о моем звонке и соединила нас. Прокурор спросил, что меня беспокоит. В силу своей молодости, я в резкой форме спросил: «Прокурор такого-то района лицо случайное, или все-таки государственный человек?»

Потом я объяснил обстоятельства дела и далее добавил, что мы знаем, что готовится амнистия в честь пятидесятилетия Советской власти, действия подследственной однозначно подпадут под амнистию и какая необходимость травмировать ее детей? Прокурор Москвы ответил коротко: «Разберусь».

В течение двух часов на имя Прокурора Абхазии М. Аргун поступила правительственная телеграмма, где было сказано, что в случае подтверждения информации начальника следственного отдела в отношении гражданки такой-то: «уполномочиваю немедленно ее освободить из-под стражи и информировать телеграммой». В тот же день я поехал на служебной машине в тюрьму, освободил арестованную, и за подписью Прокурора Республики была направлена телеграмма о выполнении поручения.

Я также был доволен и тем, что пересекся с настоящим государственным человеком.

УБОРЩИЦА ИЗ КУЙБЫШЕВА

В семидесятые годы прошлого века из Куйбышева в Сухум приехала женщина, мать-одиночка, работавшая там уборщицей. Она заняла у знакомых восемьсот рублей и приехала к нам. Здесь приобрела декоративные ковры

с изображением тигров, естественно, для перепродажи. Она была задержана сотрудниками транспортной милиции за спекуляцию. Следователь пришел ко мне для получения согласия на арест. По сложившейся практике, я должен был проверить основания для этого и в одном из экземпляров постановления расписаться, что согласен с решением следователя.

После этого он обязан был обратиться к заместителю прокурора по следствию Н. Квачахия и получить санкцию. Я не стал давать согласия и вместе со следователем зашел к прокурору. Он поинтересовался причиной нашего прихода. Я ему рассказал, что хотят арестовать женщину, мать-одиночку, что решение следователя формально правильно, но по существу - бесчеловечно. Затем доложил суть дела. Прокурор возмутился и сказал: «Дело и вещи доки направьте в соответствующий орган г. Куйбышева, а ее освободите», — и добавил: «Вам не стыдно на несчастных людях демонстрировать борьбу с преступностью, показывать «деловитость».

Следователь был вынужден выполнить поручение прокурора.

ЗВОНОК ИЗ МОСКВЫ

Как-то одна из сотрудниц Сухумского участка Закавказской железной дороги пожаловалась в прокуратуру на необоснованное освобождение с работы. Ей было отказано в восстановлении. После этого она обратилась в Прокуратуру СССР, откуда последовал запрос об основаниях ее освобождения. В ответе были изложены подробные доводы.

Она вторично обратилась в Прокуратуру СССР и по-

пала на прием к заместителю начальника Следственного Управления, участнику Великой Отечественной войны, государственному советнику юстиции третьего класса Ю.М. Баулину, который вместо формального запроса посоветовал ей обратиться ко мне. Зная меня, он надеялся, что я разберусь справедливо.

Так она попала ко мне. Случилось так, что я отказал ей. Причем, это я сделал в резкой форме, в том числе и в адрес приславшего ее Баулина (с тем я давно поддерживал дружеские отношения). После ее ухода, через минут пятнадцать, последовал звонок из Москвы и Юрий Максимович Баулин спросил меня: «Ты что, послал меня к черту? Ты, что, никогда не помогаешь своим абхазцам?»

Я засмеялся. Затем он официальным тоном сказал: «Ты знаешь, Сергей Дугужевич, если человек дважды официально добирается до Прокуратуры СССР, значит, где-то она уверена в своей правоте. Примите меры по ее восстановлению на работе, и сообщите».

Естественно, я выполнил это поручение.

Я привел эти примеры для того, чтобы показать, - в советские времена человек мог достигать до правды и справедливости.

Вывод следующий – тот, кто пришел служить народу, всегда должен быть особо внимателен к судьбе каждого человека.

ВИЗИТ ИЗ ГАЗЕТЫ «ГУДОК»

В районе села Приморское, что в Гудаутском районе, в восьмидесятых годах прошлого века сгорел многоквартирный дом железнодорожников. Управление нашей железной дороги материалы по данному факту не направи-

ло в прокуратуру. Так что о данном пожаре нам ничего известно не было. Без крыши над головой остались бывшие работники железной дороги — пенсионеры, среди них «афганец», инвалид первой группы. Руководство железной дороги не среагировало на бедственное положение семей погорельцев. «Афганец» обратился с письменным заявлением в газету «Гудок».

Однажды, неожиданно для меня, в мой кабинет зашла дама, представилась корреспондентом газеты «Гудок». Она спросила, почему прокуратура не отреагировала на факт пожара и на человеческие беды вообще. Убедившись, что материалы о пожаре в прокуратуру не поступали, попросила поехать с ней в Приморск к месту пожара. Сославшись на «занятость», я предложил ей подойти к одиннадцати часам следующего дня. Затем, после ее ухода, я пригласил к себе начальника гражданских сооружений Сухумской дистанции Хуту Цолания. Мы вместе с ним срочно выехали в Приморск. Как выяснилось, действительно несколько семей буквально живут на улице. Я ему популярно объяснил, что по данному вопросу специально приехал корреспондент из Москвы, из «Гудка» — главной газеты железнодорожников СССР, и если он хочет сохранить свою должность и «шкуру» — надо срочно исправлять положение. Он не на шутку испугался — попасть на страницы «Гудка» означало верный конец карьеры; печать была тогда в силе и авторитете. Одноэтажное жилое здание было сгоревшим, но бетонные стены сохранились. Он заявил мне, что на складе у них есть готовые двери, окна, половые и потолочные доски и так далее — короче все, что нужно для восстановления. Я ему заявил, что за ночь все должно быть доставлено на стройку и что до прихода журналиста, то есть до одиннадцати

часов утра, строители должны начать работу. Все будет сделано, сказал Хута, кроме крыши — шифера нет. Тут же я позвонил начальнику Самтредского отделения ЗКВЖД и обрисовал всю серьезность ситуации. Тот тут же пообещал отправить и выгрузить в Сухуме вагон шифера.

На утро следующего дня мы прибыли с корреспондентом в Приморское. Там кипела работа. Она удивилась, подошла к «афганцу» и что-то спросила у него.

Он, видимо, сказал ей, что мы вчера приезжали. Как выяснилось, она была на месте не первый раз, в курсе деталей ситуации и была удивлена произошедшей за ночь метаморфозой. Тут же было принято решение завершить ремонт здания в течение двух месяцев, что и было сделано.

В Москве, в газете «Гудок», вместо планируемого критического материала по жалобе «афганца» вышел позитивный текст о заботливой реакции руководства ж.д. и прокуратуры. Мы выглядели чуть ли не «героями».

В то время мы хорошо понимали значимость прессы, тем более — центральной.

Заслуженный юрист республики Абхазия-

Сергей Бганба

Газета «Новый день» 28 октября 2014 г.

ЧЕСТЬ МУНДИРА

В 1975 году мне — начальнику следственного отдела Прокуратуры Абхазии, Прокурору г. Сухум Ч. Цулая и члену Верховного Суда В. Галустяну руководство республики поручило проверить работу начальника следственного отдела МВД Абхазии, небезызвестного Гиви Ло-

минадзе. Представленные материалы давали основания для снятия его с занимаемой должности. Но неизвестно по каким причинам (предполагаем, что была команда из Тбилиси), он был не уволен с работы, а освобожден от занимаемой должности, что позволило ему впоследствии вернуться в Абхазию на тот же уровень.

У руководства нашего обкома возникла идея также проверить работу Прокуратуры. Они использовали удобное для себя время — весьма уважаемый и авторитетный прокурор М. Аргун в тот момент находился в отпуске. Для проверки деятельности Прокуратуры прислали инструктора Административного отдела обкома партии Гиви Камуговича Агрба, министра юстиции К. Сичинава и заместителя министра внутренних дел А. Антелава.

В то время обязанности Прокурора республики исполнял Д. Силагадзе, — бывший партработник, не знавший еще в полном объеме свои полномочия. Он их направил ко мне. Комиссия потребовала планы работы и подтверждающие материалы. Я возразил против состава комиссии и заявил, что надзор за деятельностью министерства юстиции и МВД осуществляет только прокуратура, поэтому они не могут быть в составе такой комиссии.

Обращаясь к Гиви Камуговичу, я сказал, что он вправе проверять нас как представитель обкома партии и ему я в этом помогу. Если партия считает необходимым провести тщательную проверку, то им следует обратиться к руководству Прокуратуры Грузии или СССР по этому вопросу.

Они были вынуждены уйти. По пути спустились на второй этаж нашего здания, к председателю Верховного Суда Шамилю Лакоба. Тот им разъяснил, что мои действия были законными.

Впоследствии я узнал, что на меня в обкоме обиделись, считая, что я подрываю авторитет этого органа и даже специально позвонили прокурору. Так проверка и не состоялась. Работник прокуратуры всегда обязан дорожить авторитетом места своей службы и принципиально отстаивать честь своего мундира.

БУТЫЛКОЙ ПО ГОЛОВЕ

Я всегда стремился сохранить свое достоинство и строго соблюдать закон. В 1964 году некий Г. Шарикадзе, находясь в ресторане «Мерхеули», послал несколько бутылок шампанского и вазу фруктов инструктору обкома партии Гиви Каджая, как бы в знак уважения. Последний не принял этот презент, сказав, что от преступников «уважения не принимает». Шарикадзе повел себя неадекватно, оскорбился, и, подойдя к столу Г. Каджая, ударил того бутылкой по голове. По этому инциденту расследование было поручено мне.

Шарикадзе, будучи в бегах, сумел подключить к этому делу работников прессы для своей поддержки. Пресса и тогда считалась серьезной силой. В период расследования ко мне в кабинет зашел корреспондент журнала «Крокодил» Герсамия. С ним был сотрудник газеты «Правда». Они потребовали дать им дело для ознакомления. В ответ я попросил москвича представить мне поручение руководства газеты. Мне показали удостоверение корреспондента «Правды» и командировочное предписание из Москвы в Сухум и Тбилиси. Письменного поручения от «Правды» о проверке у него не было. По этому делу следствие не было закончено, и я заявил им, что в соответствии с законом я не имею на это права — это может помешать ходу расследования.

Прокурора республики М. Аргун в тот день на работе не было. Журналисты попросили меня подняться с ними к заместителю прокурора республики Н. Квачахия. Выслушав их просьбу и мой отказ, он им объяснил, что решение следователя правильное, и он вмешаться не может. В ответ на этот отказ Герсамия позвонил Первому секретарю Абхазобкома В. Кобахия. Выслушав их, он ответил: «Я в дела прокуратуры не вмешиваюсь». Когда вернулся М. Аргун, он сказал мне: «Сергей, ты на ровном месте не можешь спокойно стоять, у тебя же дело доказано. Мог и ознакомить их».

В тот же день на имя начальника Следственного Управления Прокуратуры СССР я сообщил о принятом мною решении и попросил разъяснить правомочность моих действий (хотя я в себе не сомневался, но решил укрепить свою позицию) с корреспондентами партийных печатных органов. Ответ пришел незамедлительно, где ссылались на статью в УПК Грузии, подтверждалась законность моих действий.

При этом, копия его ответа в мой адрес была направлена и Прокурору республики. Это разъяснение он разослал всем горрайпрокурорам.

С этого момента мы твердо знали, как вести себя с партийной прессой.

ДЕЛО О ЛЮФЕ (МОЧАЛКЕ) И «МОШЕННИКЕ-ПИСАТЕЛЕ»

В 1974 г. в производстве одного из лучших следователей Прокуратуры Абхазии Сократа Стилиди находилось уголовное дело об особо крупных хищениях, при заго-

товке люфы-мочалки. Другим следователем ранее оно было прекращено за недоказанность. Затем решение было признано неверным и возобновлено.

В те времена Абхазия занималась заготовкой люфы и ее реализацией по всему Союзу, у нас она выращивалась в огромных объемах.

В процессе расследования старший следователь С. Стилиди сумел доказать, что сумма хищений значительно больше, чем в представленных ему материалах. Им было арестовано и привлечено к уголовной ответственности около десятка лиц.

Среди арестованных главным был житель Сухума Коява. Следствие шло на высоком профессиональном уровне. Брат Коява, работавший судебным исполнителем, сумел уговорить человека, представлявшегося как литератор, член Союза писателей СССР, повлиять на ход расследования.

Он с заявлением в защиту Коява обратился к начальнику Следственного Управления Прокуратуры СССР, и ко второму секретарю ЦК Компартии Грузии, Прокурору Грузии. К заявлениям он приложил визитку с указанием всех своих «званий».

Параллельно самостоятельно стал опрашивать сдачиков люфы-мочалки, на предмет полученных ими сумм за объем сданной продукции. Естественно, они пытались выгородить Коява.

Об этом стало известно следователю Стилиди и он привел «писателя» к прокурору М. Аргун, где объяснил, по какому поводу. В связи с поведением так называемого «писателя», прокурор вызвал меня к себе, чтобы разобратся. У входа в кабинет меня остановил Сократ Иванович и сказал, что надо бы внимательнее проверить удо-

стоверение, поскольку его поведение сомнительно.

Я вошел в кабинет прокурора и попросил показать документ, где увидел несоответствие печатей и подписей. С левой стороны документа стояла гербовая печать Союза писателей СССР, с правой – подтверждающей продление полномочий – печать профсоюзов этой организации. Подписи тоже были разные. Убедившись, что документ подложный, я изъясил его. По поручению С. Стилиди, в Москву был командирован старший следователь Центрального аппарата Г. Цурцумия для допроса Председателя правления Союза писателей СССР, депутата Верховного Совета СССР знаменитого Константина Федина и получения образцов его подписей для почерковедческой экспертизы. **Согласно закону того времени следственные органы имели право допросить депутата любого уровня, согласие высшего органа необходимо было лишь при привлечении их к уголовной и административной ответственности.** Закон тогда был весьма справедлив и позволял объективно разбираться во всех делах. По приезде в Москву следователю Цурцумия Г. был предоставлен кабинет заместителя начальника Следственного Управления Прокуратуры СССР и ему удалось связаться с К. Фединым и попросить о встрече. Тот оказался человеком законопослушным и весьма порядочным и сообщил, что приедет сам в прокуратуру в указанное время. Во время допроса он подтвердил, что самозванец действительно был когда-то членом Союза писателей, но впоследствии исключен из него за какие-то проступки, то есть это удостоверение действительно было подложным.

В итоге об этом сообщили во все инстанции и никакого ответа псевдописатель не получил. Так что авантюрист вынужден был срочно ретироваться из Абхазии с тем,

чтобы избежать наказания. Мы не стали преследовать его по линии прокуратуры за его неправомерные действия.

А дело о люфе-мочалке пошло в суд и все были строго наказаны. Старшему следователю С. Стилиди приказом Генпрокурора СССР было присвоено внеочередное звание – старший советник юстиции.

Сергей Бганба,

Заслуженный юрист Республики Абхазия

Газета «Новый день» от 08.04.2014 г. и 22.04.2014 г.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Автор этого небольшого сборника – Сергей Дугужович Бганба является Заслуженным юристом республики, высококвалифицированным специалистом, проработавшим в органах Прокуратуры Абхазии более сорока лет непрерывно.

Свидетельством сказанному является его жизненный путь. Автор родился 18 сентября 1933 года в селе Бзыбь Гагрского района в семье крестьянина. В 1936 году отец был арестован. Сергея и его сестру Лили воспитали мудрая бабушка Бейхан Агрба и трудолюбивая мать Ольга Авидзба.

С девятого класса в 1952 году он был призван на действительную воинскую службу в ряды Советской армии.

Службу проходил в Эстонской ССР в 30-м пехотном полку Панфиловской дивизии. Во время службы неоднократно поощрялся командованием полка и, в том числе, фотографированием у развернутого знамени части с направлением благодарственного письма матери. По завершении службы продолжил учебу в Гагрской школе рабо-

чей молодежи. В его воспитании огромную роль сыграла семья Михаила Алгереевича Купалба – известного педагога, и его супруги Ольги Омаровны Авидзба.

Окончив школу с серебряной медалью, в 1957 году был направлен на учебу в Саратовский юридический институт. Студенты вскоре избрали его секретарем комсомольской организации учебного заведения, до конца учебы он неоднократно переизбирался на эту должность. Также был членом Кировского райкома и Саратовского горкома ВЛКСМ.

В этот период вступил в ряды КПСС. Институт закончил с отличием в 1961 году. По ходатайству руководства Абхазии был направлен на Родину. На его формирование, как специалиста повлияли видные юристы Лакоба Шамиль Николаевич, Аргун Меджит Мустафович, Квачахия Николай Михайлович. Они укрепили его любовь к специальности.

Особый интерес С. Бганба проявил к следствию. Следователем столицы Абхазии и страшим следователем Прокуратуры республики он проработал десять лет. Одиннадцать лет являлся начальником следственного отдела прокуратуры, из них пять лет одновременно работал в качестве заместителя Прокурора республики по следствию. Отвечал за состояние следствия не только в прокуратуре, но и осуществлял прокурорский надзор за следствием во всех административных органах. С 1983 до 1992 года работал Сухумским транспортным прокурором. Друзья и коллеги называли его «следователем от бога и ходячей энциклопедией».

Во время Отечественной войны народа Абхазии являлся заместителем Прокурора Абхазии и исполнял обязанности Прокурора республики (в тот период прокурору А.

Джергения было поручено действовать в качестве личного представителя В. Ардзинба в Москве).

С. Бганба во время войны потерял младшего сына Астамура (погиб 5 января 1993 года в бою в Эшерах). Тем не менее, С. Бганба продолжал выполнять свой служебный долг и работал над организацией и формированием новой абхазской прокуратуры.

После Победы был назначен первым заместителем Генерального Прокурора Республики, где проработал до января 1998 года. С этого времени продолжил работу в качестве транспортного прокурора и одновременно начал преподавать в Абхазском государственном университете в качестве старшего преподавателя, затем доцента кафедры Уголовного права и процесса.

В 1972 году С. Бганба был награжден Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета Абхазской АССР, в 1982 году ему было присвоено звание Заслуженного юриста республики. 22 июня 2011 года «За многолетнюю работу в правоохранительных органах, вклад в воспитание и обучение подрастающего поколения» был награжден орденом «Ахьдз-Апша» 3 степени.

30 января 2013 года С. Бганба был награжден Книгой Почета Парламента – Народного Собрания Республики Абхазия, 31 января того же года приказом Генерального прокурора РА награжден нагрудным знаком «Почетный работник Прокуратуры республики».

Заслуженный юрист Республики Абхазия
Л.Р. Абгаджава

Сергей Дугужевич Бганба

О ТЕХ, КОГО ПОМНЮ... ВОСПОМИНАНИЯ

Формат 60x84 ¹/₁₆ Тираж 70 экз.

Физ. печ. л. 6,5.

г. Сухум – 2015

